

ТАМБОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Ноября

№ 11.

1870 года.

1.

Распоряженія Правительственныя.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

Отъ 6-го сентября 1870 года, за № 51. *Объ оказаніи пособія на содержаніе Православныхъ церквей въ Сиріи.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 8-го Мая 1870 года за № 5820-мъ, съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія, по предмету ходатайства Настоятеля Бейрутской церкви, Архимандрита Джибари и Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, объ оказаніи пособія на поддержаніе Православныхъ церквей въ Сиріи. Приказали: Согласно съ заключеніемъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, предоставить Господину Исправляющему должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора увѣдомить Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, что Святѣйшій Синодъ не находитъ средствъ оказать другаго матеріальнаго пособія Сирійскимъ церквамъ, кромѣ предложенія Епархіальнымъ Преосвященнымъ о содѣйствіи къ усиленію существующаго и нынѣ сбора пожертвованій въ пользу Мельхи-

товъ, чрезъ объявленія о семъ въ Епархіальныхъ газетахъ и при обзорѣниими церквей; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, и дать знать всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ циркулярно печатными указами.

Отъ 5-го Сентября 1870 года, за № 52. *О выпискѣ изданій Священника Голубева.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 18-го минувшаго Іюля за № 8422, въ коемъ изъяснено, что Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи представленныхъ въ 1868 году содержаниемъ славянской типографіи въ г. Псковѣ, Константиномъ Голубевымъ книжекъ „Истина“ и „Напоминаніе авраамлянамъ“, признавъ полезнымъ распространеніе сихъ изданій какъ между причтами въ мѣстностяхъ зараженныхъ расколомъ, такъ и по Академіямъ и Семинаріямъ, для большаго ознакомленія воспитанниковъ съ расколомъ, особенно въ миссіонерскихъ классахъ, опредѣленіемъ отъ 20 Ноября 8 Декабря того же 1868 года постановилъ: дать знать о семъ циркулярными указами Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, поручить имъ сдѣлать распоряженіе по ввѣреннымъ епархіямъ о выпискѣ означенныхъ книгъ изъ типографіи Голубева какъ священно-служителями, особенно въ приходяхъ, зараженныхъ расколомъ, такъ и Академіями и Семинаріями для миссіонерскихъ отдѣленій. Циркуляръ по сему опредѣленію разосланъ по епархіямъ 20 Декабря за № 80. Нынѣ издатель упомянутыхъ книжекъ, священникъ Голубевъ, объясняя, въ поданной имъ просьбѣ, что нѣкоторые болѣе зараженные расколомъ епархіи, въ теченіи 1½ года не выписываютъ книжекъ „Истина“, не смотря на всевозможныя уступки въ цѣнѣ, въ

видахъ возможно большаго удешевленія сихъ книжекъ и даже безмезднаго, по времени, распространенія ихъ между раскольниками ходатайствуетъ о повтореніи церковнымъ причтамъ вышеупомянутаго Синодальнаго указа за № 80. Приказали: Поручить Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, циркулярными указами, сдѣлать распоряженіе по ввѣреннымъ имъ епархіямъ о непремѣнномъ исполненіи циркулярнаго указа Святѣйшаго Синода, отъ 20 Декабря 1868 года за № 80.

Отъ 14-го Іюня 1870 гдда, за № 34. *О программѣ для преподаванія въ Духовныхъ Училищахъ Ариметики.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 8 Января 1870 года за № 2, журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, съ программой и объяснительною къ ней запискою по преподаванію въ Духовныхъ Училищахъ Ариметики. Приказали: Составленную въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ программу по преподаванію въ Духовныхъ Училищахъ Ариметики съ объяснительною къ ней запискою, напечатать въ потребномъ числѣ экземпляровъ, разослать, при указахъ, къ Епархіальнымъ Архіереямъ, для передачи въ Училищныя Правленія, въ руководство наставникамъ при преподаваніи означеннаго предмета въ Училищахъ.

ПРОГРАММА

Ариметики для Духовныхъ Училищъ.

1-й классъ (5 урока въ недѣлю).

1. Всестороннее разсмотрѣніе чиселъ до 100 посредствомъ задачъ. Ознакомленіе съ употребительнѣйшими мѣрами и вѣсомъ.

I. Нумерація.

2. Счетъ. Изображеніе чиселъ цифрами. Выговариваніе написанныхъ чиселъ. Упражненія въ опредѣленіи числа полныхъ десятковъ, полныхъ сотенъ и т. д. даннаго числа.

II. Дѣйствія надъ цѣлыми числами.

3. Сложеніе.
4. Вычитаніе.
5. Умноженіе.
6. Дѣленіе.
7. Повѣрки первыхъ четырехъ дѣйствій.

II-й классъ (5 урока въ недѣлю).

III. Составныя именованныя числа.

9. Полная таблица мѣръ и вѣсовъ со включеніемъ квадратныхъ и кубическихъ мѣръ.

9. Раздробленіе.
10. Превращеніе.
11. Сложеніе.
12. Вычитаніе.
13. Умноженіе.
14. Дѣленіе.

IV. Нѣкоторыя свойства цѣлыхъ чиселъ.

15. Нѣкоторыя теоремы, относящіяся до дѣлимости чиселъ. Числа простые и составныя, четныя и нечетныя.

16. Нѣкоторыя признаки дѣлимости чиселъ.
17. Разложеніе чиселъ на множители.
18. Наименьшее кратное число.
19. Общій наибольшій дѣлитель двухъ чиселъ.

III-й классъ (5 урока въ недѣлю).

V. Обыкновенныя дроби.

20. Происхожденіе дробей. Нѣкоторыя свойства дробей. Сокращеніе дробей. Приведеніе дробей къ одному общему знаменателю.

21. Сложеніе и вычитаніе дробей.

22. Умноженіе дробей.

23. Дѣленіе дробей.

VI. Десятичныя дроби.

24. Происхожденіе десятичныхъ дробей. Свойства десятичныхъ дробей.

25. Сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей.

26. Умноженіе десятичныхъ дробей.

27. Дѣленіе десятичныхъ дробей.

28. Обращеніе обыкновенныхъ дробей въ десятичныя и, обратно, обращеніе десятичныхъ дробей въ обыкновенныя.

29. Периодическія дроби. Обращеніе периодическихъ дробей въ обыкновенныя.

VII. Пропорціи.

30. Отношенія разностныя. Отношенія кратныя.

31. Разностная пропорція. Главное свойство разностной пропорціи. Непрерывная разностная пропорція. Среднее арифметическое число.

32. Кратная пропорція. Сокращеніе членовъ ея. Главное свойство кратной пропорціи. Непрерывная кратная пропорція.

33. Перемѣщеніе членовъ кратной пропорціи. Видоизмѣненія кратной пропорціи.

34. Сложныя кратныя пропорціи.

35. Понятіе о пропорціональности двухъ величинъ.

IV-й классъ (2 урока въ недѣлю).

36. Простое тройное правило. Правило вычисленія процентовъ. Учетъ векселей.

37. Сложное тройное правило.

38. Правило товарищества или пропорціональнаго дѣленія.

39. Правило смѣшенія.

VIII. Непрерывныя дроби.

40. Происхожденіе непрерывной дроби. Обращеніе обыкновенной дроби въ непрерывную и, обратно, непрерывной дроби въ обыкновенную.

41. Подходящія дроби. Ихъ свойства.

42. Повтореніе всего курса Ариѳметики.

Обстоятельная записка къ программѣ ариѳметики для духовныхъ училищъ.

Преподаваніе Ариѳметики, имѣеть цѣлю: какъ изученіе Ариѳметики, такъ и развитіе умственныхъ способностей учениковъ, и главнымъ образомъ должно быть направлено къ возбужденію самодѣтельности въ учащихся. Но такъ какъ степень самодѣтельности ученика должна быть соразмѣрна силамъ его, то и преподаваніе должно сообразоваться не только съ требованіемъ науки, но и со степенью развитія учащихся и, поэтому, должно происходить въ той же послѣдовательности, постепенности и непрерывности, въ какой развиваются умственные способности дѣтей. Умственные ихъ способности постепенно развиваются и крѣпнютъ вслѣдствіе соразмѣрно посильнаго упражненія; а чтобы эти упражненія постоянно соотвѣтствовали силамъ учащихся, необходимо, чтобы пре-

подаваніе постепенно переходило отъ легкаго къ труднѣйшему. Такъ какъ вообще извѣстное, простое, частное, вещественное для усвоенія учащимися легче, чѣмъ неизвѣстное, сложное, общее и отвлеченное, то и въ преподаваніи должно начинать съ болѣе извѣстнаго ученикамъ и постепенно переходить къ менѣе извѣстному, точно также преподаваніе должно переходить отъ простаго къ сложному, отъ частнаго къ общему, отъ вещественнаго къ отвлеченному. Въ примѣненіи къ преподаванію Ариѳметики предъидущее правило дидактики требуетъ, чтобы ариѳметическія понятія, напр. о числѣ, сложеніи чиселъ, вычитаніи чиселъ и проч. сообщались ученикамъ сперва путемъ нагляднымъ, посредствомъ предметовъ вещественныхъ, потомъ посредствомъ именованныхъ чиселъ, за тѣмъ уже на отвлеченныхъ числахъ; наконецъ, такъ какъ ариѳметическое понятіе сознательно понято и вполне усвоено тогда, когда самъ ученикъ въ состояніи правильно примѣнять его въ надлежащихъ случаяхъ, то слѣдуетъ упражнять учениковъ въ рѣшеніи задачъ, въ которыхъ они могли-бы на практикѣ примѣнять усвоенное понятіе. Такимъ путемъ ученики пріобрѣтаютъ знанія собственнымъ трудомъ, самодѣтельно. Правильный ходъ преподаванія чрезвычайно важенъ въ особенности въ низшемъ классѣ Духовныхъ Училищъ, куда поступаютъ ученики сравнительно мало развитые, нерѣдко изучившіе то, что знаютъ, путемъ механическимъ.

Предлагаемая программа требуетъ, чтобы первоначальныя упражненія учениковъ состояли во всестороннемъ разсмотрѣніи чиселъ не столь значительныхъ, именно до 100, посредствомъ задачъ. Понятія о числахъ всей этой группы ученики должны вполне усвоить себѣ. Чтобы разрѣшеніе задачъ пріобрѣло развивающее значеніе, наставникъ не долженъ подсказывать рѣшеніе въ томъ случаѣ, если ученикъ не въ состояніи рѣшить какую либо задачу,

а напротивъ долженъ стремиться къ тому, чтобы самъ ученикъ дошелъ до рѣшенія, обратясь къ нагляднымъ средствамъ, или, въ случаѣ надобности, упрощая условія задачи.

Во время подобныхъ упражненій можно постепенно знакомить учениковъ съ мѣрами и вѣсомъ. Ученіе по книгѣ внѣ класса на этой ступени преподаванія бесполезно, такъ какъ многіе изъ учениковъ еще не умѣютъ разумно учиться Ариѳметикѣ и все заданное выучиваютъ механически. Въ началѣ ученики должны учиться въ классѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ наставника; занятія же учениковъ внѣ класса могутъ состоять въ рѣшеніи задачъ, на основаніи сообщенныхъ въ классѣ свѣдѣній.

Изложенныя упражненія имѣютъ цѣлю:

1. Дать возможность наставнику провѣрить познанія поступившихъ въ Училище учениковъ, основательно познакомиться со степенью ихъ развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ надобности, пополнить познаніе или исправить замѣченные недостатки въ предварительныхъ знаніяхъ учениковъ.

2. Способствовать полному усвоенію учениками понятій о числахъ до 100, посредствомъ всесторонняго разсмотрѣнія ихъ и примѣненія пріобрѣтенныхъ знаній въ разрѣшеніи задачъ, ознакомить учениковъ на небольшихъ числахъ съ ариѳметическими дѣйствіями, что служитъ хорошимъ подготовленіемъ къ успѣшному болѣе систематическому преподаванію Ариѳметики, такъ какъ все послѣдующее въ Ариѳметикѣ основывается на распространеніи или большемъ развитіи тѣхъ законовъ, которые существуютъ для чиселъ до 100.

Послѣ подготовительныхъ упражненій ариѳметическое преподаваніе какъ въ 1-мъ классѣ, такъ и равно въ высшихъ классахъ Училища, имѣетъ слѣдующій характеръ:

ученикъ преимущественно занимается самъ, помощь наставника заключается въ томъ, что онъ предлагаетъ ученику матеріаль для самодѣтельности, указываетъ путь, который предстоитъ ученику самостоятельно пройти, посредствомъ вопросовъ, намековъ и проч., и въ трудныхъ случаяхъ облегчаетъ ему процессъ мышленія.

Относительно преподаванія всѣхъ частей Ариѳметики имѣютъ мѣсто слѣдующія общія замѣчанія:

1. Всегда слѣдуетъ начинать съ чиселъ именованныхъ и за тѣмъ переходить къ числамъ отвлеченнымъ; вообще послѣ разсмотрѣнія нѣсколькихъ частныхъ случаевъ можно перейти къ общему случаю. Въ затруднительныхъ для пониманія дѣтей случаяхъ можно вопросъ облечь въ форму болѣе удобопонятную для нихъ.

2. Определеніями и правилами никогда не слѣдуетъ начинать изложеніе какой-либо части Ариѳметики; ученики должны сперва разсматривать во всѣхъ отношеніяхъ опредѣляемое и за тѣмъ уже можно вывести опредѣленіе; напр., сперва ученики производятъ самое дѣленіе, потомъ, когда они достаточно усвоили себѣ производство этого вычисленія, опредѣляется какъ дѣленіе, такъ и дѣлимое, дѣлитель и проч.

3. Въ ариѳметическомъ преподаваніи не должна исключительно преобладать ни теорія, ни практика; напротивъ теорія должна быть связана съ практикою; какъ на ту, такъ и на другую должно быть обращено одинаковое вниманіе и обѣ должны содѣйствовать другъ другу. Исключительно теоретическое преподаваніе слишкомъ отвлеченно и трудно воспринимается дѣтьми этого возврата, а также не приноситъ пользы въ жизни. Исключительное же практическое преподаваніе, хотя можетъ сдѣлать изъ учениковъ хорошихъ вычислителей, но не можетъ доставить имъ сознательно-отчетливаго пониманія ариѳметическихъ

истинъ, а слѣдовательно и знанія сущности науки Ариѳметики.

4. Умственное и письменное исчисленія имѣютъ одинаковое значеніе въ ариѳметическомъ преподаваніи. При письменномъ исчисленіи умственная дѣятельность ученика не развлекается удерживаніемъ въ памяти чиселъ, а потому она всецѣло можетъ быть употреблена на процессъ мышленія. Умственное же исчисленіе служитъ преимущественно къ легчайшему приобрѣтенію учениками *представленія* о числахъ и дѣйствіяхъ и способствуетъ приобрѣтенію навыка къ быстрому производству выкладокъ. Потому то полезно, чтобы умственное исчисленіе предшествовало письменному, притомъ на числахъ незначительныхъ.

При рѣшеніи задачъ съ значительными числами умственное вычисленіе сопровождаетъ письменное и даетъ возможность быстрѣе производить вычисленія.

5. При разрѣшеніяхъ учениками задачъ не должно довольствоваться только вѣрностію результата; ибо важнѣе результата—это повѣрка того пути мышленія, по которому ученикъ дошелъ до результата.

Съ цѣлію приученія учениковъ къ строгому мышленію слѣдуетъ требовать, чтобы ученики ясно и точно выразили словами тѣ основанія, по которымъ должны производиться тѣ или другія дѣйствія надъ данными числами задачи.

6. Такъ какъ въ Математикѣ послѣдующее основывается на предъидущемъ, то не должно переходить къ послѣдующему отдѣлу раньше, пока предъидущій отдѣлъ не вполне усвоенъ учениками. Частыя повторенія пройденнаго совершенно необходимы.

Относительно отдѣльныхъ частей Ариѳметики преподаваніе по предлагаемой программѣ должно происходить слѣдующимъ образомъ:

1. Обученіе счету не должно доводить до чиселъ чрезъ-

вычайно огромныхъ, можно ограничиться милліонами; ибо чрезвычайно огромныя числа слишкомъ затрудняютъ учащихся, изученіе ихъ отнимаетъ время, между тѣмъ какъ на практикѣ они рѣдко встрѣчаются.

При преподаваніи счета и системы чиселъ большую пользу приносятъ русскіе счеты.

Во время упражненій въ изображеніи чиселъ должно обращать вниманіе учениковъ на то, что съ измѣненіемъ порядка цифръ въ числѣ измѣняется величина числа, наприм. въ числахъ 352, 325 и проч.

Упражненія въ опредѣленіи числа десятковъ, сотенъ и т. д. даннаго числа служатъ для приобрѣтенія учащимися совершеннаго представленія о большихъ числахъ и для уясненія системы счисленія.

2. Изученіе первыхъ четырехъ дѣйствій надъ числами вообще должно начинать съ упражненій учениковъ въ изутомъ вычисленіи однозначныхъ и двухзначныхъ чиселъ, а за тѣмъ перейти къ письменному вычисленію многозначныхъ чиселъ. Но не должно требовать, чтобы всѣ ученики рѣшали одну и ту же задачу по одному и же способу, напротивъ, чѣмъ различнѣе способы рѣшенной задачи, тѣмъ разностороннѣе разсмотрѣна задача. Наивыгоднѣйшій способъ разрѣшенія найдутъ впоследствии сами ученики отъ практики.

3. При изученіи умноженія чиселъ вообще должно обращать вниманіе на правильное употребленіе учениками выраженія умножить, въ чемъ часто ошибаются начинающіе; строго должно различать: слѣдуетъ ли въ задачѣ, напр. 6 умножить на 3, или 3 умножить на 6. При письменномъ же исчисленіи должно требовать, чтобы ученики не перемѣшивали мѣстъ множимаго и множителя, такъ какъ правильное логическое мышленіе имѣетъ въ преподаваніи большее значеніе, чѣмъ вѣрный результатъ.

4. Изученіе дѣйствія дѣленія должно начинать съ раз-

смотрѣнія простѣйшаго, по своей наглядности, случая дѣленія, именно: когда требуется данное число раздѣлить на нѣсколько равныхъ частей; послѣ можно перейти къ болѣе отвлеченному роду дѣленія, когда узнается содержаніе одного числа въ другомъ. Навыкъ въ дѣленіи ученики могутъ приобрести посредствомъ долговременныхъ упражненій; поэтому на этой статьѣ наставнику придется останавливаться долѣе.

Ближайшее всестороннее разсмотрѣніе дѣйствія дѣленія со стороны теоретической укажетъ ученикамъ тѣ случаи, когда дѣленіе употребляется въ разрѣшеніи задачъ.

5. Повѣрки первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметическихъ не имѣютъ образовательнаго значенія въ преподаваніи, ибо повѣрками можно только указать на ошибку въ вычисленіи. Повѣрки имѣли большое значеніе въ то время, когда обращалось преимущественное вниманіе на механизмъ выкладокъ. Повѣрки можно сообщать ученикамъ для пополненія ихъ ариѳметическихъ знаній, и притомъ только обыкновенныя; повѣрки же дѣйствій посредствомъ числа 9 совершенно бесполезны.

6. Изученіе дѣйствій надъ составными именованными числами не представляетъ трудностей, такъ какъ ихъ можно разсматривать какъ практическія приложенія дѣйствій надъ числами вообще.

При правильномъ преподаваніи выучиваніе правилъ дѣйствій надъ составными именованными числами совершенно бесполезно.

7. Признаки дѣлимости чиселъ, наименьшее кратное число, разложеніе чиселъ на множителя и пр., по своей отвлеченности, довольно трудны для усвоенія учениковъ, поэтому весьма полезно, относящіяся къ этому отдѣлу теоремы пояснять сначала примѣрами.

8. Первоначальныя понятія о дробяхъ должны быть даны ученикамъ путемъ нагляднымъ.

Для уясненія ученикамъ происхожденія и свойствъ дробей служатъ задачи, въ которыхъ требуется отыскать дробную часть цѣлаго или дробнаго количества. Но въ подобныхъ упражненіяхъ не должно переступать надлежащую мѣру и безъ пользы обременять учениковъ разрѣшеніемъ слишкомъ трудныхъ задачъ, такъ какъ такія задачи ученики разрѣшаютъ гораздо легче впоследствии, послѣ знакомства съ умноженіемъ и дѣленіемъ дробей.

Къ упомянутой категоріи задачъ относятся также раздробленіе и превращеніе дробныхъ именованныхъ чиселъ, въ разрѣшеніи каковыхъ задачъ ученики должны пріобрѣсти достаточный навыкъ, такъ какъ онѣ имѣютъ примѣненіе въ тройныхъ правилахъ.

9. Дѣйствіе надъ дробями ученики отнюдь не должны производить по готовымъ правиламъ, напротивъ каждый разъ они должны объяснять, почему должно производить то или другое вычисленіе, ибо въ противномъ случаѣ преподаваніе прямо вело бы къ механизму и нисколько не способствовало бы развитію учащихся. По готовымъ правиламъ можно производить дѣйствія надъ дробями только при рѣшеніи сложныхъ практическихъ задачъ.

Если ученики достаточно развиты, въ такомъ случаѣ можно правило умноженія дробей выводить изъ опредѣленія умноженія. Съ малоуспѣшными же учениками лучше выводить правило умноженія дробей изъ рѣшенія задачъ.

10. Десятичныя дроби и пропорціи не представляютъ затрудненій для усвоенія учениковъ, такъ какъ десятичныя дроби составляютъ ничто иное, какъ примѣненіе къ дробнымъ долямъ нашей системы счисленія, а пропорціи — ничто иное, како равенства двухъ дробей. При изложеніи пропорціи представляется случай познакомить учениковъ съ употребленіемъ общихъ числовыхъ знаковъ и тѣмъ нѣкоторымъ образомъ подготовить ихъ къ успѣшному усвоенію впоследствии Алгебры, тѣмъ болѣе, что приемы

доказательствъ въ разсматриваемой статьѣ не много сходны съ приемами алгебраическими.

11. Тройныя правила, правило товарищества и правило смѣшенія должно проходить безъ помощи пропорцій, что гораздо удобопонятнѣе для учениковъ. Но чтобы ученики приобрѣли разносторонній взглядъ на задачи этого рода, можно умѣренное число задачъ рѣшить и посредствомъ пропорцій.

12. Непрерывныя дроби можно собственно отнести къ Алгебрѣ, но такъ какъ при изученіи ихъ ученики знакомятся съ новымъ математическимъ понятіемъ, именно съ величиною, которая возможно близко подходитъ къ данной величинѣ, поэтому полезно проходить въ курсѣ Ариметики и непрерывныя дроби, дабы тѣмъ нѣсколько облегчить ученикамъ усвоеніе подобныхъ величинъ въ Алгебрѣ.

13. Въ предлагаемой программѣ, равно какъ и въ учебникѣ, рекомендованномъ какъ руководство Ариметики для Духовныхъ Училищъ, опущено возвышеніе въ степени и извлеченіе корней, потому что дѣйствія эти относятся къ Алгебрѣ, гдѣ ученики могутъ усвоить ихъ безъ большаго труда, между тѣмъ какъ въ Ариметикѣ разумное объясненіе этихъ дѣйствій чрезвычайно трудно для учениковъ, тѣмъ болѣе, что приемы, употребляемые для объясненія этихъ Алгебраическихъ дѣйствій, имѣютъ характеръ приемовъ анализа.

Значительное число уроковъ по Ариметикѣ въ Духовныхъ Училищахъ даетъ возможность основательно научить учениковъ Ариметикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать имъ хорошую подготовку къ успѣшному изученію прочихъ математическихъ наукъ въ Семинаріи.

Учебникомъ для всѣхъ классовъ Духовнаго Училища служить: „Руководство къ Ариметикѣ“ Воленса. Пособіемъ для 1-го класса назначено: „Собраніе Ариметическихъ задачъ (по Грубе)“ Воленса.

Кромѣ того Духовнымъ Училищамъ рекомендуется пріобрѣтеніе счетовъ, для класснаго употребленія.

Пособіями для наставниковъ могутъ служить: 1) „Практическая Ариѳметика“ Петра Гурьева, 2) „Ариѳметика по способу нѣмецкаго педагога Грубе“—Паульсона и 3) „Ариѳметика“ Академика Буняковскаго.—

II.

Распоряженіе Епархіальнаго начальства.

Къ Его Преосвященству поступило нижеслѣдующее отношеніе Комитета для сбора приношеній на памятникъ въ Кіевѣ Богдану Хмельницкому, отъ 20 Іюля 1870 г. за № 43: Комитетъ, учрежденный при Кіевской Археографической комиссіи, для повсемѣстнаго въ Имперіи, по Высочайшему соизволенію, сбора приношеній на памятникъ, въ Кіевѣ, Богдану Хмѣльницкому открывъ свои дѣйствія, долгомъ считаетъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, обратиться къ благосклонному содѣйствію Вашего Преосвященства этому патріотическому дѣлу. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что мысль воздвигнуть памятникъ отечественному герою, положившему основаніе окончательному возстановленію нашего народнаго и государственнаго единства и служащему въ Юго-Западномъ краѣ символомъ этого единства,—мысль удостоенная Всемилостивѣйшаго одобренія нашего возлюбленнаго Монарха,—встрѣтитъ въполнѣ сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества и народа; но съ особеннымъ довѣріемъ онъ ожидаетъ успѣшнаго сбора приношеній отъ дѣятельнаго и разъяснительнаго для прихожанъ участія въ этомъ дѣлѣ нашего духовенства, а потому, испрашивая сему дѣлу Вашего архипастырскаго благословенія и покровительства, комитетъ препровождаетъ при семъ экземпляры записки о значеніи Хмѣльницкаго

въ русской исторіи, для сообщенія оной тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыхъ Вы изволите найти полезнымъ призвать къ содѣйствію въ сборѣ приношеній, а равно и для перепечатанія оной въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.—Комитетъ долгомъ считаетъ присовокупить, что всѣ собранныя на этотъ предметъ приношенія, должны быть, по распоряженію высшаго правительства, вносимы въ мѣстные казначейства, откуда они будутъ препровождены въ Главное казначейство.—На семъ отношеніи послѣдовала 16 сентября 1870 года слѣдующая резолюція Его Преосвященства: „Консисторія чрезъ благочинныхъ сдѣлаетъ приглашеніе причтовъ, а чрезъ нихъ и прихожанъ къ посильнымъ пожертвованіямъ для прописанной цѣли“.—Консисторія, согласно заключенію своему, утвержденному Его Преосвященствомъ, препроводила и отношеніе означеннаго Комитета и экземпляры записки о значеніи Хмѣльницкаго въ Русской исторіи для припечатанія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, для должнаго исполненія со стороны духовенства.

III.

Извѣстія и объявленія.

БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

(По поводу сооруженія ему памятника въ Кіевѣ)

Въ исторической жизни Россіи, въ періодъ юношескаго ея роста, былъ болѣзненный переломъ, который угрожалъ дѣйствительною опасностью не только всѣмъ ея будущимъ судьбамъ, но и самому ея существованію: не успѣвъ еще окрѣпнуть, она была постигнута, сперва удѣльнымъ раздробленіемъ, потомъ Татарскимъ погромомъ, и пришла въ такой упадокъ силъ, что распалась на двѣ ча-

сти, на Восточную и Западную. Изъ Западной ея половины образовалось особое Литовско-Русское государство, которое, вслѣдствіе брачнаго союза Литовско-Русскаго государя съ наслѣдницей государства Польскаго, соединилось съ Польшей, въ началѣ какъ равное съ равнымъ, на правахъ взаимной независимости, подъ одной лишь верховной властью, а, наконецъ, послѣ постепеннаго обкатоличенія и ополяченія высшихъ слоевъ Литовско-Русскаго народа, князей и бояръ, вошло въ составъ ея. Такое неестественное соединеніе всей Западной Руси съ Польшей доставило; однакожь, этой послѣдней перевѣсъ силы надъ Русью Восточной и дало ей возможность расширять свои предѣлы, все далѣе и далѣе, на счетъ Московскаго Государства. Въ этой борьбѣ ополяченное Русское дворянство ставъ, какъ всегда бываетъ съ отступниками, злѣйшимъ врагомъ своей отеческой вѣры и народности и захвативъ въ свои руки всю власть въ Польскомъ государствѣ, возбуждало противъ Русской земли непрерывныя войны и довело наконецъ свои полчища до самаго сердца Россіи, до Москвы, гдѣ, на стѣнахъ Кремля, развило свое шляхетское знамя. Казалось, не оставалось спасенія: съ гибелью Москвы погибала и Россія,—тѣмъ болѣе, что въ эту страшную минуту государство было обезглавлено и шапку Мономаха боярство возлагало уже на главу Польскаго королевича. Но такъ только казалось; въ Русскомъ народѣ бодрствовалъ тотъ православный духъ и та преданность своимъ отечественнымъ началамъ, въ которыхъ таилась neodолжимая сила сопротивленія. Когда достигла до народа вѣсть о плѣненіи Москвы врагами его вѣры и народности, онъ встрепенулся и достаточно было одного голоса простолюдина Косьмы Минина, чтобы поднять на этого врага весь Русскій Востокъ: мечъ спасенія былъ врученъ одному изъ потомковъ Мономаха, князю Пожарскому, который, принявъ этотъ мечъ, сокрушилъ вражью силу и очистилъ

отъ нея Московскую землю. Но этимъ подвигомъ спасена была только Московская Русь, а не вся Русская земля. Для ея спасенія требовался еще новый подвигъ, новый болѣе рѣшительный ударъ врагу.

Тридцать шесть лѣтъ спустя, на Юго-Западѣ Россіи, раздался другой голосъ, тоже простаго земскаго человѣка, Малороссійскаго казака Зиновья Хмѣльницкаго, прозваннаго Богданомъ, и тотъ же православный духъ Русскаго народа откликнулся на его призывъ, собралъ всѣхъ до единого подъ знамя, вручилъ ему мечъ спасенія, съ которымъ народный вождь одолѣлъ врага и возвратилъ весь Юго-Западъ Россіи подъ державу отечественнаго Царя. Съ той поры тяжба Россіи и Польши была рѣшена: на безграничной великой равнинѣ Русской земли должно было осуществиться и осуществилось историческое предопредѣленіе, — между семи морей этой земли сложилась единая держава, и Польша вошла, наконецъ, въ составъ всероссійской Имперіи.

Послѣ втораго плѣна Москвы, послѣ 1812 года, вспомнился первый плѣнъ ея въ 1612 году, и новый спаситель отечества, Александръ Благословенный, воздвигнулъ памятникъ, древнимъ его спасителямъ, Минину и Пожарскому. Недавнія посягательства на свободу Западной Руси и на цѣлость Русскаго государства напомнили о древнемъ разрѣшителѣ этихъ Польскихъ притязаній, — и нынѣшній блюститель цѣлости и блага Россіи, нашъ благодатный Александръ-Освободитель, положилъ воздвигнуть памятникъ Богдану Хмѣльницкому. Въ Высочайше утвержденномъ проектѣ этого памятника, Южно-Русскій герой изображенъ на конѣ. Взмахомъ одной руки онъ высоко возноситъ свою булаву, а другую руку простираетъ на Востокъ, къ Москвѣ. Подъ ногами коня лежатъ разные атрибуты попраиной шляхетской Польши. У подножія статуи стоятъ представители народности: Великорусь, Малорусь, Бѣлорусь и

Червононоруссь, слушая сидящаго кобзаря, который поетъ славу Богдану. Вокругъ пьедестала изображены съ трехъ сторонъ, въ барельефахъ, главные эпизоды этой достопамятной эпохи: Зборовская битва, торжественный вѣздъ Богдана въ Кіевъ и Переяславская Рада, на которой совершилось воссоединеніе Малой Россіи съ Москвою. На четвертой сторонѣ надпись: Богдану Хмѣльницкому единая-недѣлимая Россія.

На сооруженіе этого всенароднаго памятника, по проекту нашего извѣстнаго художника Микѣшина, открыта, по Высочайшему соизволенію, повсемѣстная въ Имперіи подписка и съ этою цѣлью, образованъ, при Кіевской Археологической Коммисіи, въ вѣденіи Главнаго Начальника Юго-Западнаго Края, особый Комитетъ. Комитетъ этотъ, для осуществленія ввѣреннаго ему патріотическаго дѣла, долгомъ считаетъ обратиться не къ однимъ высшимъ классамъ Русскаго общества, а ко всему Русскому земству и обращается къ нему съ простыми словами: принесите сильную жертву, подайте на памятникъ тому, кто положилъ начало одолѣнію самаго непримиримаго нашего врага; кто возвратилъ Русскому народу Кіевскую Святиню; кто спасъ, можетъ быть, православіе на берегахъ Днѣпра и положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданію всея Россіи. Вашихъ копѣекъ и грошей будетъ достаточно, чтобъ поставить его изображеніе въ Кіевѣ, во славу пращура городовъ Русскихъ, во имя Русскаго недѣлимаго единства и въ назиданіе прошлому, настоящему и будущему.

Предсѣдатель Тайный Совѣтникъ *М. Юзефовичъ.*

ОБЪ ИЗДАНИИ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

въ 1871 году.

Направленіе *Православнаго Обозрѣнія*, кажется, въ достаточной степени выяснилось предъ читателями какъ за одиннадцать лѣтъ его изданія вообще, такъ и въ частности за два послѣдніе года изданія подъ новой редакціей. Въ будущемъ намъ остается только возможно полнѣе раскрывать отдѣльныя стороны однажды постановленной задачи. Выясненіе истины Православнаго Христіанства въ примѣненіи къ требованіямъ современности, къ разнообразнымъ сферамъ и потребностямъ жизни, — сближеніе интересовъ религіозныхъ съ интересами общественными, духовной науки съ общею наукою, внутреннихъ вопросовъ Русской Церкви съ судьбами всего Христіанскаго міра, — живое сочувствіе къ пробужденію религіозныхъ интересовъ преимущественно въ нашемъ обществѣ, къ важнымъ реформамъ, постепенно предпринимаемымъ въ нашей церкви, — разъясненіе значенія этихъ начинаній, возможное въ предѣлахъ частной литературной дѣятельности, — отрѣшеніе отъ сословной исключительности во взглядахъ и стремленіяхъ при твердой преданности общему дѣлу Церкви: — вотъ главныя черты того литературнаго направленія, которому мы старались и будемъ стараться служить. Сочувствіе къ нашему дѣлу въ кругу людей, интересующихся религіозными вопросами, свободное сотрудничество въ нашемъ журналѣ представителей науки не только спеціально духовной, но и общей такъ-называемой свѣтской, постоянное вниманіе къ *Православному Обозрѣнію* въ большинствѣ образованнаго духовенства даютъ намъ увѣренность въ твердости избраннаго пути. Въ новыхъ ожидаемыхъ условіяхъ нашей духовной печати и церковно-административнаго быта вообще мы надѣемся встрѣ-

тить новыя удобства и больше широкую возможность для серьезнаго служенія литературнымъ словомъ великому дѣлу Православія.

Православное Обзорнiе въ 1871 году будетъ издаваться по прежней программѣ, ежемѣсячно, книжками отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ, подъ редакціею священника Г. П. Смирнова-Платонова, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи священниковъ А. М. Иванцова-Платонова и П. А. Преображенскаго.

Въ составъ *Православнаго Обзорнiя* будутъ входить:

1) Статьи научно-богословскаго, нравственно-назидательнаго и церковно-историческаго содержанія.

2) Обзорнiе замѣчательныхъ событій церковной жизни въ восточныхъ православныхъ церквахъ и западныхъ христіанскихъ обществахъ.

3) Статьи по практическимъ вопросамъ церковной жизни—о положеніяхъ церкви и ея отношеніяхъ къ государству и обществу, о призваніи и бытѣ духовенства, о современномъ положеніи духовно-учебныхъ заведеній, о задачахъ духовной литературы, о религіозно-нравственномъ воспитаніи народа и т. п.

4) Критическіе и библиографическіе обзоры замѣчательныхъ явленій духовной науки и литературы—русской и иностранной.

5) Извѣстія и замѣтки: новѣйшія постановленія по духовному вѣдомству, извѣстія о состояніи православныхъ русскихъ миссій, лѣтопись духовно-учебной реформы, распоряженія о новомъ устройствѣ приходовъ, внутренняя корреспонденція, письма изъ-за границы, славянская хроника, разныя извѣстія, библиографическій листокъ и т. п.

6. Въ приложеніи, по окончаніи перевода сочиненій

Св. Иринея, будетъ печататься переводъ творенія Св. *Илиполита* „О философскихъ умозрѣнiяхъ“, или „Противъ всѣхъ ересей.“

УСЛОВIЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна годоваго изданiя *Православнаго Обзорнiя* на 1871 *шесть рублей 50 коп.*, — съ доставкою на домъ въ Москвѣ и пересылкою въ другiе города *семь руб. сер.*

Подписка принимается въ *Москвѣ, въ редакцiю Православнаго Обзорнiя, Остоженка, приходъ Новаго Воскресенiя, д. свящ. Смирнова-Платонова*, — и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованiями прямо и исключительно: *въ редакцiю Православнаго Обзорнiя, въ Москвѣ*. Въ случаѣ неисправнаго полученiя книжекъ, редакцiя удовлетворяетъ всѣ справедливыя жалобы подписчиковъ.

Подписка на *Православное Обзорнiе 1870 г.*, равно какъ и 1869 ., продолжается на тѣхъ же условiяхъ.

Редакторъ *Православнаго Обзорнiя* съ 1869 года священникъ *Григорiй Смирновъ-Платовъ*.

Редакторъ: Ректоръ Семинарiи Протоіерей Михаилъ Зефировъ.

Съ дозволенiя цензуры. 17 Ноября 1870 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографiи

ПРИБАВЛЕНИЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВѢДОМОСТЯМЪ.

15 Ноября

№ 11.

1870 года.

ПРОПОВѢДИ ПОКОЙНАГО ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОЛАЯ,
БЫВШАГО ЕПИСКОПА ТАМБОВСКАГО.

В Е С Т Ъ Д А

въ недѣлю двадцать первую 1843 г.

Изыде сѣмь сѣмь мене своего. (Лук. 8, 5 и дал.).

Нимаго не удивительно, если наши проповѣдники сѣ-
ютъ сѣмя слова Божія не всегда съ успѣхомъ, а чаще
безъ успѣха. Причинъ на это много, и самая первая изъ
нихъ—несовершенство нашихъ проповѣдей. Но вотъ что
по истинѣ достойно удивленія, что проповѣдь самаго Христа
не всегда и не вездѣ производила ожидаемые плоды. Можно
лижелать лучшаго проповѣдника? Однакожь, чтобъ далеко не
ходить, мы сами слушаемся ли Его, хотя всегда Его слу-
шаемъ? Тоже было и во время Его пребыванія на землѣ.
Были, правда, люди, которые *въ сладость Его слушали*; дру-
гіе даже удивлялись Ему, говоря: *николиже тако глаголаше*
естъ человекъ; а нѣкоторые приносили и плодъ зрѣлый и
обильный, *какъ то Апостолы и лучшіе изъ первыхъ уче-*
никовъ Его. Но что это предъ всею массою народа, слу-

шавшаго Его проповѣдь? Онъ Самъ называлъ достойныхъ учениковъ своихъ *малымъ стадомъ*; Самъ находилъ, что *званныхъ*, т. е. слышавшихъ Его учение, *много*, но избранныхъ, т. е. понявшихъ, удержавшихъ и *плодотворяющихъ* учение Его въ своей жизни, *мало*; а въ нынѣшней притчѣ Онъ какъ бы ограничиваетъ число избранныхъ одною четвертою долею; три же части заключаютъ въ себѣ *тѣхъ* слушателей, которые если и приняли Его учение, то или однимъ мертвымъ слухомъ, или однимъ любопытствомъ ума, или и сердцемъ, *но* исполненнымъ терній, *злаковъ* — страсти. И учение Его въ такихъ слушателяхъ осталось безъ плода, и причину сего находитъ Христось въ самихъ слушателяхъ. Кто знаетъ, не отъ такихъ же ли собственно причинъ зависитъ безплодство и нашихъ проповѣдей? Ибо если нашъ проповѣдникъ скажетъ намъ и не краснорѣчивое слово; все же напомнимъ намъ сколько нибудь добрыхъ истинъ, правилъ, совѣтовъ, предостереженій, поощреній, или побужденій. Почему жъ бы, если бы мы слушающіе были земля добрая, не упасть на эту землю хотя нѣсколькимъ добрымъ зернамъ и не принести плода? Нѣтъ, исключая немногихъ, иные вовсе не слушаютъ, иные слушаютъ, чтобы потѣшить свою пересудливость, а иные въ церкви слушаютъ, а въ жизни бросаютъ и забываютъ. Не правы проповѣдники; но правы ли и слушатели?

Сами видите, братіе, какъ любопытно вникнуть въ причины, по коимъ проповѣдь слова Божія такъ мало имѣетъ успѣха, такъ мало производитъ плода въ слушателяхъ. А для сего пояснимъ нѣсколько нынѣ слышанную притчу Евангельскую.

Изыде сѣяи сѣмени своего, говоритъ Христось; *и егда сѣяше, ово паде при пути, и порано бысть, и птицы небесныя позабоша е* (ст. 5). Это все равно, какъ если бы какой земледѣлецъ бросалъ сѣмена на прохожую дорогу; тутъ земля вовсе не взрыта, а напротивъ убита и угла-

жена; и зерно остается на поверхности открыто: мудро ли проходящимъ затоптать его, или птицамъ найги въ немъ готовую себѣ пищу? Надобно теперь отыскать слушателей, которые походили бы на придорожную землю; которые вовсе не были бы готовы для принятія проповѣди, какъ та земля; на которыхъ слово Божіе падая, оставалось бы на открытой поверхности; у которыхъ сѣмя ученія подавлялось бы прохожими, расхищалось бы пролетающими: кто жъ это такіе?— Не трудно отгадать, что это всё тѣ, кои приходятъ сюда безъ должнаго вниманія къ ученію, и со всею готовностію развлекаться предметами посторонними; это люди невнимательные и разсѣянные. Можно ли что внушить человѣку невнимательному? А еще болѣе— разсѣянному? Вниманія нашего законъ таковъ, что оно не можетъ заниматься вдругъ многими предметами; занявшись однимъ, оно какъ бы не существуетъ для другихъ. Но хоть бы вниманіе и не развлекалось другими предметами, но если оно не обращено на тотъ предметъ, который ему предлагаютъ, человѣкъ не приметъ его, не пойметъ и не усвоитъ себѣ. Вниманіе— дверь ученію въ душу, какъ слухъ— дверь звукамъ въ голову: закройте дверь, нельзя войти въ домъ; закройте слухъ, звуки не пройдутъ въ голову; закройте вниманіе, никакое ученіе не пройдетъ въ душу. Безъ вниманія и самый слухъ дѣлается глухимъ для проповѣди, и если она поражаетъ его, то машинально и не успѣвшия, чѣмъ слухъ безсловеснаго животнаго, не производя въ немъ разумаго впечатлѣнія. Какъ же хотѣть, чтобы проповѣдь имѣла свое дѣйствіе на слушателя невнимательнаго и разсѣяннаго, не приносящаго сюда никакаго вниманія къ ученію, и непрерывно разсѣивающагося здѣсь то по лицамъ вокругъ его стоящимъ, или и отсутствующимъ, то по вещамъ, въ глаза его бросающимся или мелькающимъ въ его воображеніи, то по стѣнамъ, иногда ничего ему не представляющимъ,

кромѣ одного своего цвѣта? Это значило бы хотѣть чуда. И проповѣдь, машинально трогая слуховыя органы, не проходитъ чрезъ мертвый слухъ до вниманія, котораго вовсе нѣтъ; и отсутствующее вниманіе не передаетъ ее душѣ—ибо ктожь будетъ передавать?—и душа не производитъ плода—ибо изъ чего ей и производить? и проповѣдникъ бросилъ сѣмя своего ученія на землю придорожную. Трудно ли этому сѣмени быть потоптану проходящими и рашпщену птицами, т. е. всякими посторонними болѣе или менѣе рѣзкими и летучими впечатлѣніями, которымъ такъ всегда открытъ и доступенъ слушатель невнимательный и разсѣянный? Иисусъ Христосъ въ объясненіе сего говоритъ: *а иже при пути, суть слышашій; потомъ же приходитъ діаволъ, и вземлетъ слово отъ сердца ихъ, да не възрашше спасутся* (12 ст.). Хотя мы простыми глазами своими и не видимъ, какъ діаволъ приходитъ сюда похищать слово ученія изъ сердца слушателей разсѣянныхъ и невнимательныхъ: но дымъ обличаетъ уже присутствіе огня. Не дьявольскія ли, въ самомъ дѣлѣ, тѣ впечатлѣнія, которыя во время проповѣди играютъ вниманіемъ слушателя, попеременно развлекаютъ его, какъ бы перебрашиваютъ его съ рукъ на руки, чтобы оно, такъ сказать, закружилось, задохлось, не оцѣматовалось и не остановилось на словѣ Божіемъ? Удалять отъ слова Божія, а чрезъ то и отъ Бога, дѣло по дѣлу, дьявольское, и діаволъ вземлетъ слово отъ сердца слушателей даже тѣмъ, что чрезъ постороннія впечатлѣнія подавляетъ его и не оставляетъ ему мѣста въ этомъ сердцѣ. Такимъ образомъ невнимательность съ разсѣянностію составляютъ въ слушателяхъ одну изъ причинъ бесплодства проповѣдей.

А другое паде на камени, и прозябъ уше, зане не имѣше влаги (ст. 6). Что можно возвращать хлѣбныя растенія не на землѣ только, собственно такъ называемой, но и на камнѣ или стеклѣ, это для опыта дѣлаютъ и нынѣ, но

такое растеніе скоро засыхаетъ отъ недостатка ли влаги, теплоты или укорененія, или отъ другихъ причинъ. Но всему не удивительно, что ~~ж~~ въ причтѣ говорится, что зерно, ^{сидящее} павшее на камнѣ, ^{не} взошло, но отъ недостатка влаги скоро засохло. Кто же изъ слушателей можетъ походить на такой камень? Кто, припималъ ученіе, какъ этотъ камень, ^{и не} даетъ ему, ^{въ себя} взойти, но, не сообщая ему влаги въ потребномъ количествѣ, ^{не} допускаетъ ему въ себя засохнуть, и такимъ образомъ не приносить плода, котораго однакожъ по первому приему ^{не} надлежало бы почти ожидать? Христосъ такъ это поясняетъ: *и уже на камени, уже егда услышатъ, съ радостію приѣмлютъ слово; и сіи корене не имутъ, уже во время струютъ, и во время напастіи отпадаютъ* (ст. 13). Что такыя *съ радостію приѣмлютъ слово*—въ этомъ вижу я слушателей любопытныхъ; а что *сіи корене не имутъ*—въ этомъ усматриваю слушателей, такъ сказать, безсердечныхъ или, если угодно, не чувствительныхъ къ слову Божию. Первое относится до ума; ибо умъ въ насъ ^{иногда} ~~любопытствуетъ~~ ^{любопытствуетъ} знать то и другое, и съ охотою принимаетъ наставленіе. Второе касается сердца; ибо сердце есть корень нашей души, такъ какъ оно есть и источникъ нашей жизни. И такъ любопытные и нечувствительные суть втораго класса слушатели, которые, хотя съ радостію слушаютъ проповѣди, но не даютъ имъ въ себя производить надлежащаго плода, первое потому, что не сообщаютъ принятому ученію потребной влаги, второе потому, что не допускаютъ его въ себя пустить корни и утвердиться, а то и другбе вмѣстѣ потому, что останавливаютъ все ученіе въ одномъ умѣ и не проводятъ его въ самое сердце. Если бы они провели его въ сердце, ученіе и получило бы себя изъ сердца потребную влагу, т. е. животворность, какъ изъ источника жизни, и нашло бы въ сердцѣ всю себя твердость и вкоренилось, какъ въ корнѣ души, и вѣрно принесло бы какой нибудь

плодь. Отсюда ^{иногда} то и та прѣвременность ученія въ сердцахъ слушателей, о которой Христось говоритъ: *во время вѣрують, и во время напасти отпадаютъ*. Ибо если напасти сравнимъ съ бурей, ломающею безсочныя и сухія деревья, и съ корнемъ вырывающею деревья ^{худо} ^{вкорененныя} худо-вкорененныя: то какъ противъ напастей устоять въ челоѣкѣхъ ученію, оставленному въ одномъ умѣ, который не даетъ ему ни влаги, ни вкорененія, ибо, подобно глазу или зеркалу, только рисуетъ или отражаетъ въ себѣ предметы, не болѣе, и не проведенному въ самое сердце, которое сообщило бы ему и влагу плодотворную и крѣпость корневую, какъ источникъ жизни и корень души? И такъ, нѣтъ напастей, такіе слушатели вѣрують; пришли напасти, вѣра ихъ исчезаетъ подобно тому, какъ ^{уничтожаются} ^{и цветы} исчезаютъ морозныя / цветы на стеклѣ отъ теплаго дыханія; ибо сердце, стѣсняемое напастью, дышитъ какъ бы огненнымъ дыханіемъ. Но что это за напасти? У Евангелиста Матѣя вмѣсто *напастей* читается: *быши же печали или юненію словесе ради*, т. е. ученія Евангельскаго, какъ бывали въ первыя времена Христіанства гоненія, печали, за послѣдованіе Евангелію, особенно за его проповѣдь и исповѣданіе. Нынѣ такихъ внѣшнихъ гоненій за вѣру, благодареніе Богу, нѣтъ; а есть, напротивъ, всѣ внѣшнія побужденія къ Христіанскому благочестію. Но, братіе мои, неужели и нынѣ нѣтъ никакихъ напастей для нашей вѣры? Не колеблется ли, не потрясается ли иногда вѣра наша отъ какихъ либо житейскихъ напастей—отъ притѣсненій, насилій, несправедливостей, отъ болѣзней, потерь, нищеты, и другихъ прискорбныхъ случаевъ жизни?—Но есть еще другія, менѣе примѣтныя, но тѣмъ болѣе опасныя нападенія на нашу вѣру—отъ плоти, которую сами въ себѣ носимъ, отъ міра, среди котораго живемъ, отъ діавола, который всюду невидимо слѣдитъ за нами и ни на шагъ не отступаетъ отъ насъ.—Твою мысль волнуютъ помыслы плотскіе, твое вооб-

раженіе очаровываютъ образы страстные, твое сердце поджигаютъ чувства и желанія похотливыя—не нападенія ли это на твою вѣру? Тебя міръ оболъщаетъ своими прелестьями, соблазняетъ своими примѣрами, ненавидитъ за уклоненіе отъ его обычаевъ, гонитъ за добросовѣстное поведеніе, которое служитъ ему обличеніемъ—не нападенія ли это на твою вѣру? Наконецъ самъ діаволъ и похотями плоти, и развратомъ міра, и тайными впечатлѣніями грѣха, а иногда и самой добродѣтели—ибо онъ часто для нашего оболъщенія преобразается въ ангела свѣтла—впечатлѣніями на воображеніе, на сердце, на самую совѣсть твою—не нападаетъ ли на твою вѣру, не колеблетъ ли ее, не подавляетъ ли ее, не иссушаетъ ли ея влагу, не окаменяетъ ли для ней твое чувство? Въ подробности неисчислимы и неизмѣримы всѣ глубины, т. е. хитрости сатанинскія, изъ которыхъ возникаютъ всякое мгновеніе, какъ ядовитыя пары, всевозможныя искушенія для нашей вѣры. Сколько жъ, братіе, потребно намъ и бдительной осторожности и прозорливой заботливости, чтобы обезопасить вѣру нашу противъ такихъ и столькихъ напастей! *Трезвитесь и бодрствуйте*, скажу съ Апостоломъ Петромъ; но главное, бойтесь оставлять слышанное вами ученіе въ одномъ умѣ; а старайтесь внѣдрять его въ ваше сердце. Одно любопытство ума безъ сердечнаго расположенія къ слову Божію есть вторая причина безплодства проповѣдей.

И другое паде посреди терній, и возрасте терніе, и подави е (ст. 7). Тоже самое бываетъ въ нашихъ огородахъ, поляхъ, садахъ: дурныя травы, обсъдая добрыя сѣмена, всегда усиливаются на счетъ послѣднихъ, и, преобладавая своею силою надъ ихъ безсиліемъ, подавляютъ ихъ и заглушаютъ. Какихъ отнести сюда слушателей? Христосъ изъясняетъ: *а еже въ терніе падшее, сіи суть слышавшіе, и отъ печали и богатства и сластми житейскими ходяще*

подселяются, и не совершаютъ плода (ст. 14). Слѣд. заботы о умноженіи богатства и о плотскихъ удовольствіяхъ, или корыстолюбіе и сластолюбіе составляютъ отличительный характеръ слушателей третьяго класса, въ коихъ слово Божіе остается безплоднымъ. Замѣчательно здѣсь выраженіе: *не совершаютъ плода*, т. е. не доводятъ до совершенной зрѣлости. Но отъ перваго пророчества сѣмени до совершенной зрѣлости процессъ растенія, какъ извѣстно, продолжителенъ, и что дошло до поры зрѣлости, то конечно прошло уже всѣ предыдущіе періоды или степени возрастанія. Итакъ слушатели третьяго класса, по моему, гораздо лучше первыхъ двухъ. Они достигли поры зрѣлости, и слѣд. прошли всѣ предыдущія состоянія. Они приходили на проповѣдь не съ невнимательностію и разсѣяніемъ, какъ первые, но съ должнымъ любопытствомъ и собранностію, и не съ однимъ любопытствомъ, какъ вторые, но и съ сердечнымъ расположеніемъ научиться. Они приняли слово ученія не однимъ слухомъ безъ вниманія, какъ первые, и не однимъ умомъ безъ участія сердца, какъ вторые. Они, принявъ проповѣдь слухомъ, передали ее уму, а умъ и сердцу. Они, какъ видно, дали слову Божію въ себѣ вѣдриться, приняться, взойти, выколоситься, процвѣсти, налиться, оплодотвориться и ему оставалось только созрѣть, но—сего-то и не достаетъ. Они много знаютъ изъ слышаннаго ими ученія, прекрасно о немъ разсуждаютъ, часто выказываютъ сообразныя съ нимъ чувствованія, даже поступки—напр. ходятъ въ церковь, содержатъ посты, помогаютъ бѣднымъ; но за всѣмъ тѣмъ не совершаютъ плода, не возраждаются словомъ Божіимъ въ духъ, не дѣлаются вѣрными учениками Евангелія, не бываютъ подлинными христіанами. Бкая жалость! Упуститъ изъ рукъ то, что, казалось, было уже въ рукахъ, не собрать лестной жатвы въ самую пору жатвы, потерпѣть кораблекрушеніе у самой пристани отечества, лишиться рая у самыхъ

дверей рая, имѣть уже дерзновеніе сказать Христу: *Господи, Господи! не въ Твое ли имя пророцествовахомъ*, и получить страшное отверженіе: *николи-же знахъ васъ; отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Мат. 7, 22)! И это причиняютъ намъ, по слову Христову, корыстолюбіе и сластолюбіе, и причиняютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ неосторожнѣе мы въ нихъ забываемся, и потому собственно причиняютъ, что мы въ нихъ забываемся, поддаваясь ихъ обаянію. Есть корыстолюбіе, которое мы сами осуждаемъ, это ненасытимое лихоимство; но не о немъ здѣсь рѣчь. Есть и сластолюбіе, котораго мы сами гнушаемся; это грубый развратъ; но и не о немъ теперь слово. Есть заботы о богатствѣ дозволенные въ жизни, есть и удовольствія чувственныя, не оскорбляющія благонравія общественнаго; о нихъ-то я говорю; онѣ чѣмъ менѣе зазорны, тѣмъ болѣе опасны; онѣ-то могутъ погубить въ насъ почти уже созрѣвающій плодъ слова Божія, если мы заблаговременно и благоразумно не ограничимъ ихъ должными предѣлами. Непримѣтно, безъ нашего сознанія, безъ нашей воли, даже противъ нашей воли, они легко могутъ произвести въ нашемъ сердцѣ тоже, что дурныя травы производятъ въ полѣ.—Извѣстно, чѣмъ травы дурныя сокровеннѣе и сильнѣе, тѣмъ непримѣтнѣе и скорѣе подавляются ими хлѣбныя растенія; такъ и въ сердцѣ, чѣмъ заботы о богатствѣ или чувственныхъ удовольствіяхъ благовиднѣе, тѣмъ непримѣтнѣе могутъ онѣ вредить въ насъ дѣйствію слова Божія; а особенно чѣмъ онѣ сильнѣе, тѣмъ онѣ властнѣе заглушаютъ въ сердцѣ всякія другія расположенія. Но что можетъ быть въ насъ сильнѣе заботъ о богатствѣ и чувственныхъ утѣхахъ?—ибо что для насъ существеннѣе и интереснѣе денегъ и удовольствій? Въ плоти—весь нынѣшній обыкновенный человѣкъ, а въ деньгахъ—вся его жизнь. Есть, конечно, исключенія, Богу одному извѣстныя; но объ людяхъ обыкновенныхъ должно разсуждать не по исключеніямъ, а по общему прави-

лу. Сюда можно бы еще присовокупить и третью страсть — честолюбіе, или гордость житейскую, которая тоже есть одинъ изъ ужаснѣйшихъ враговъ вѣры и благочестія; но въ сердцѣ она слабѣе первыхъ двухъ страстей; потому что предметъ ея не такъ для насъ существенъ, а слѣд. и не такъ интересенъ, какъ деньги и удовольствія. Ибо что ея предметъ? одно мнѣніе, и честолюбцы очень похожи на мыльные пузыри, — дуются, — а пусты, хотя въ мечтахъ своихъ возносятся до неба, что бы перепираться съ самимъ Богомъ о величій: *на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ Вышнему* (Ис. 14, 14), говорилъ извѣстный Навуходоносоръ. Какое безуміе! По такой-то пустотѣ, можетъ быть, эта страсть и не включена въ притчу; а что она слабѣе въ насъ корыстолюбія и сластолюбія, это открывается даже изъ того, что она весьма часто имъ подчиняется, имено честолюбцы ту же величавость свою, кою величавятся предъ народомъ, гдѣ нибудь въ тиши бросаютъ предъ золотомъ или наслажденіемъ. Но это отступленіе: обратимся къ своему предмету. Что за странность, что почти уже дозрѣвающій плодъ слова Божія подавляется однакожъ и уничтожается привязанностію къ деньгамъ или удовольствіямъ? Ужели деньги и удовольствія для насъ въ самомъ дѣлѣ существеннѣе и интереснѣе душевнаго спасенія и вѣчнаго блаженства, которое проповѣдуетъ, общаетъ и даетъ намъ слово Божіе? Что земля предъ небомъ? Что деньги или земныя сокровища предъ небеснымъ блаженствомъ? Что плотскія удовольствія предъ наслажденіями рая? Почемужъ добро побѣждается зломъ, а не зло добромъ? — Искони такъ людямъ проповѣдуется; искони же такъ между людьми и ведется, въ огнѣ земныхъ страстей сгораютъ самыя небесныя расположенія сердца. О, блюдемся братія! Изъ сластолюбія Иродъ усѣкнулъ Іоанна, котораго однакожъ уважалъ, какъ Пророка. Изъ корыстолюбія Ахавъ убилъ Навуою, хотя имѣлъ въ

немъ добраго сосѣда; а Иуда продалъ самаго Христа: ужасные примѣры! Какое ужь въ подобныхъ душахъ мѣсто и пресѣбаніе слову Божию! Слово Христово неложно; заботы о богатствѣ и объ удовольствіяхъ, по ихъ надѣ нами обаянію, и при нашей неосторожности, легко могутъ составлять третью причину безплодства проповѣдей въ слушателяхъ.

Другое же паде на земли блазнь, и прозябъ сотвори плодъ сторицею (ст. 8). Что, наконецъ, разумѣть подь землею доброю или благою, это нетрудно уже понять послѣ того, что было доселѣ сказано. Если слушатели невнимательные и разсѣянные составляютъ для слова Божія землю худую: то слушатели внимательные и неразсѣянные—землю добрую. Если слушатели любопытные, но нечувствительные къ слову Божию, даютъ землю каменистую: то любопытные и чувствительные—землю плодородную. Если слушатели, преданные корыстолюбію и сластолюбію означаютъ землю тернистую: то безстрастные къ деньгамъ и удовольствіямъ—землю очищенную и благоудобренную. Если невнимательность съ разсѣянностію, любопытство съ безчувственностію, страсти съ нашею небрежностію или невнимательностію къ себѣ суть главнѣйшія причины неплодства слова Божія въ нашихъ сердцахъ; то уже внимательность и собранность, любопытство и сердечное расположеніе, безпристрастіе къ богатству и удовольствіямъ и внимательность къ себѣ должны образовать въ насъ почву земли для слова Божія самую лучшую. *А иже на доброй земли, говоритъ Христосъ, сіи суть, иже добрымъ сердцемъ и благимъ слышавше, слово держатъ, и плодъ творятъ въ тернии* (ст. 15). Посему, что бы слово Божіе въ насъ возрѣвало, прежде всего надобно сдѣлать сердце добрымъ и благимъ, потомъ держать слово въ себѣ; наконецъ творить плодъ въ тернии. *Какъ сдѣлать сердце добрымъ и благимъ для слова Божія?* Такъ: прежде всего очисти его

отъ терніа страстей, а главнымъ образомъ отъ корыстолюбія и сластолюбія; тогда сердце, какъ бы совлекшись грубой коры, само собою или по природѣ своей сдѣлается чувствительнымъ, алчущимъ и жаждущимъ слова Божія; а такое настроеніе сердца возбудитъ любопытство въ умѣ; а любопытство пробудитъ вниманіе въ слухѣ; а слухъ внимательный сосредоточится на одной проповѣди исключительно; и вотъ добрая и благая земля, на которой остается только съять сѣющему. *Какъ держать въ себѣ слово Божіе?* Такъ же, какъ обыкновенно заботимся мы сберечь вещь для насъ драгоцѣнную. Прими слово Божіе всѣмъ твоимъ вниманіемъ, и бережно, чтобъ ничего не уронить изъ слышаннаго, перенеси его при содѣйствіи ума въ сокровищницу твою и чрезъ стража блюди его отъ враговъ неусыпно; сокровищница наша — сердце, здѣсь сокрой твоё сокровище; враги его — страсти, и особенно корыстолюбіе и сластолюбіе, — блюди за ними, бей, гони ихъ милостынями и воздержаніемъ; стражъ нашего сердца — вниманіе къ себѣ, поставь сего стража у твоего сердца, внимай себѣ и удержишь слово Божіе. *Какъ, наконецъ, творить плодъ въ терпніи?* Такъ же, какъ мы стараемся привести какое либо прекрасное предпріятіе въ самое дѣло, преодолевая и пренебрегая всѣ труды и опасности. Лучше во все не слушать проповѣдей, чѣмъ слышаннаго не приводить въ дѣло; для того и учимся, что бы жить по ученію; по сему поставь себѣ за неотложное правило: слышанное исполнять на дѣлѣ; лучше, говорю; ибо всякая проповѣдь, нами слышанная, но на дѣлѣ не исполненная, послужитъ намъ въ большое осужденіе, какъ Христосъ сказалъ и о своей проповѣди: *еще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имъли: нынѣ же вины, т. е. извиненія не имуть о грѣхъ своемъ* (Іоан. 15, 22); *слово, еже глаголахъ, то судитъ имъ въ послѣдній день* (12, 48); и послужитъ въ большее осужденіе, и что не исправились, и что не послушались проповѣди исира-

вительной. Не скрываю, что плотскому человѣку въ соблюденіи слова Божія много, очень много, нужно испытать, вынести, претерпѣть и побѣдить трудовъ, огорченій, болѣзней, — *нужно распять плоть свою со страстьми и похотьми*, нужно умереть всей грѣховной жизни, которую всякая проповѣдь всегда отрѣваетъ, что бы на мѣсто ея насадить жизнь новую, духовную, Евангельскую — а эта смерть не менѣе для насъ страшна, какъ и тѣлесная: но что жъ великаго и вообще мы сдѣлать въ состоящи, если будемъ страшиться трудовъ и опасностей? Какой труженникъ успѣетъ въ своемъ дѣлѣ, если будетъ смотрѣть на однѣ трудности? Какой воинъ будетъ доблестно сражаться и увѣнчается, если будетъ бояться и бѣгать опасностей? Безъ труда и терпѣнія мы не доставимъ себѣ и куска хлѣба. Тѣмъ болѣе съ трудомъ и терпѣніемъ совершаются плоды слова Божія.

Не могу при семъ не обратить вниманія вашего, братія, и на то, что если бы мы приходили сюда всегда съ сердцемъ добрымъ и благимъ, готовымъ, какъ добрая земля, для принятія наставленій; то здѣсь и кромѣ проповѣди такъ называемыхъ проповѣдниковъ, всякой разъ имѣли бы мы поученія и въ пѣснопѣніяхъ, и молитвахъ, и въ св. иконахъ, и въ священнодѣйствіяхъ; здѣсь всякой разъ проповѣдуетъ намъ самъ Христосъ; сколько поученій, и какія проповѣди! Какъ бы намъ не научиться, и какихъ бы плодовъ не принесло въ насъ слово Божіе, само въ себѣ всегда дѣйственное и живое!

Заключу мою бесѣду тѣмъ же, чѣмъ Христосъ заключилъ свою притчу: *имѣй уши слышати, да слышитъ*. Аминь.

В Е С Ъ Д А

въ недѣлю двадцать первую.

Имѣй уши слышати, да слышитъ (Лук. 8, 8. 13).

Такимъ воззваніемъ Иисусъ Христосъ заключилъ нынѣшнюю свою притчу и свое на оную объясненіе. Важно было и лице говорящее, т. е. самъ Христосъ, важенъ и предметъ, о которомъ говорилось, т. е. дѣйствіе слова Божія на сердце человѣческое. Потому Спаситель и требовалъ къ рѣчи своей особеннаго вниманія, и возбуждалъ въ нихъ оное словами: *имѣй уши слышати, да слышитъ*.

Съ такою же цѣлю, по той же причинѣ, тѣже слова, полагаю и я въ основаніе настоящей бесѣды на слышанную вами притчу Спасителя, чтобы, то есть, возбудить все ваше вниманіе къ смыслу сей притчи. *Имѣй уши слышати, да слышитъ*.—Въ этой притчѣ Богъ говоритъ къ намъ, слушатели, какъ и все Евангеліе, какъ и все вообще слово Божіе, есть бесѣда самаго Бога съ нами, и притомъ Богъ бесѣдуетъ съ нами собственно о спасеніи душъ нашихъ. Если бы мы всегда содержали это въ своей памяти, если бы съ сей собственно точки всегда смотрѣли на слово Божіе, если бы въ словѣ Божіемъ вѣрили всякій разъ слышать живую бесѣду съ нами самаго Бога о нашемъ спасеніи: то какой бы наипаче предметъ, если не слово Божіе, могъ занимать всегда и все наше вниманіе? Сошлемся на собственный нашъ опытъ. Когда бы, напри- мѣръ, какой либо могущественный человѣкъ общалъ намъ составить временное наше счастье, изъясняя намъ удобнѣйшіе къ тому способы, предлагалъ дѣйствительнѣйшія къ тому средства: ужь, навѣрное, мы всё обратились бы, такъ сказать, въ одно вниманіе, боялись бы проронить одно слово, ловили бы всякую даже мину, хотѣли бы исчерпать до дна весь совѣтъ намъ полезный, и жаль было бы намъ,

если бы что осталось невысказаннымъ. Но въ словѣ Божіемъ намъ возвѣщается о нашемъ спасеніи и вѣчномъ блаженствѣ, изъясняется прямой, вѣрный и единственный путь къ оному, и предлагаются средства къ достиженію онаго самымъ дѣйствительнымъ, изобрѣтеннымъ благостію и премудростію самаго Бога, который единъ есть виновникъ нашего спасенія и блаженства: какъ же теперь, если только мы сколько нибудь дорожимъ нашимъ спасеніемъ и блаженствомъ, какъ же слову Божію не быть исключительнымъ предметомъ всего нашего вниманія? Какъ мы можемъ оставаться невнимательными къ каждому реченію, къ каждому слову, къ каждой буквѣ, или чертѣ слова Божія; тогда какъ ни одна іота онаго, по изреченію самаго Христа, не останется безъ исполненія (Матѣ. 5, 18), или, говоря словами Пророка, какъ снѣгъ или дождь не напрасно падаетъ съ неба, но чтобы напоить землю, родить, прозябнуть и дать сѣмя сѣющему и хлѣбъ въ снѣдъ: такъ и всякій глаголь, изшедшій изъ устъ Господнихъ къ человѣкамъ, не возвратится къ Богу тощъ, но совершитъ все, что Богъ хочетъ, т. е. спасетъ насъ, или осудитъ насъ (Ис. 55, 10, 11). Другой примѣръ. Если бы Государь удостоилъ кого либо изъ насъ благоволительной своей бесѣды: какъ бы мы были внимательны къ каждому его слову! Какъ бы дорожили такою его милостію! Какъ бы тщеславились столь рѣдкимъ преимуществомъ предъ прочими, не удостоившимися такого благоволенія! Но въ словѣ Божіемъ простираетъ къ намъ свою благоволительную бесѣду самъ Господь, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, и простираетъ не къ одному и другому, но вообще ко всѣмъ и ко всякому, съ тѣмъ только развѣ отличіемъ, что чѣмъ кто менѣе достоинъ такой бесѣды, тѣмъ къ тому Господь милостивѣе бесѣдуетъ. Возможно ли же, чтобы изъ насъ кто либо былъ не внимателенъ къ слову Божію, къ этой милостивой бесѣдѣ самаго Царя небеснаго?

Если возможно, если бываетъ или есть на самомъ дѣлѣ: такъ это, просто, чудо необъяснимое, или объяснимое только развѣ крайнею безпечностію о спасеніи и крайнимъ неуваженіемъ къ самому Богу. Да не будемъ, братіе, невнимательными хотя въ настоящія минуты. Будемъ внимательны къ притчѣ нынѣ нами слышанной. *Импѣй уши слышати, да слышитъ.*—

Что же предлагаетъ нашему вниманію притча?— Не будемъ дѣлать на оную своего объясненія послѣ того, какъ самъ Христосъ удостоилъ объяснить намъ оную. Онъ говоритъ, что сѣмя есть слово Божіе и, слѣдовательно, сѣятель, вышедшій сѣять сѣмя свое, есть Богъ, или самъ онъ—Христосъ, приходившій на землю сѣять между людьми небесное свое ученіе о нашемъ спасеніи; что *посыпанное при дорогѣ* указываетъ на слушающихъ, къ которымъ однакожь приходитъ дѣволъ и уноситъ слово изъ сердецъ ихъ, чтобы они не увѣровали и не спаслись; что *посыпанное на каменьяхъ* указываетъ на тѣхъ, которые иногда услышатъ слово, съ радостію принимаютъ, но которые не даютъ слову въ нихъ укорениться и временемъ вѣрують, а во время искушенія отпадаютъ; что *упадишее въ терніе* указываетъ на тѣхъ, которые слышатъ слово, но отшедши, даютъ ему въ себѣ заглушаться заботами, богатствомъ, сластями житейскими, и плодъ не созрѣваетъ; что, наконецъ, *посыпанное на доброй землѣ* значитъ тѣхъ, которые, услышавъ слово, хранятъ оное въ добромъ и чистомъ сердцѣ, и приносятъ плодъ въ терпѣннн. Вотъ истинный смыслъ Христовой притчи, ясно показывающій, въ комъ слово Божіе, прочтенное или услышанное, можетъ приносить свой плодъ или спасать, или можетъ не приносить плода т. е. не спасать, кто, слѣдовательно можетъ, прочитавши или услышавши слово Божіе, спастися или не спастися, и потому ожидать себѣ по ту сторону гроба или вѣчнаго блаженства или вѣчныхъ мученій. *Импѣй уши слышати, да слышитъ.*

Ахъ, братіе! какая печальная мысль: имѣть слово Божіе, данное намъ собственно для спасенія, читать или слышать оное, и не спастися! Осмотримся вокругъ себя или лучше въ своей совѣсти, не падаетъ это на кого изъ насъ, которые слышимъ слово Божіе, ибо оглашаемся онымъ, съ самаго рожденія нашего, во всю жизнь, всякій разъ, когда приходимъ въ церковь, ибо всякій разъ слышимъ и псалмы и пророчества, и Апостольскія и Евангельскія чтенія. Причины безплодія слова Божія въ человѣческомъ сердцѣ показаны. На инаго падаетъ оно какъ на дорогу, всегда и всѣми проходимую, попираемую и подавляемую. На инаго какъ на грунтъ каменный, только легкимъ и тонкимъ слоемъ земли прикрытый и потому не дающій въ себѣ укорениться никакому растенію. На инаго, какъ на поляну, заросшую терніемъ, которое, восхищая всю плодотворную силу земли, заглушаетъ всякое хлѣбное сѣмя.

Чье жъ это сердце, какъ дорога, на которую хотя падаетъ слово Божіе, но попирается, и уничтожается всѣмъ, проходящимъ по этой дорогѣ? Я не скажу чье; — узнай каждый самъ себя. —

Ты теперь, возлюбленный, слышалъ или слышишь слово Божіе; оно огласило слухъ твой и чрезъ слухъ пало на твою душу; ибо я не могу думать, чтобы ты, если не лишенъ слуха, не слышалъ теперь, что въ слухъ твой говорится. Но что, если даже во время слышанія слова Божія по твоей душѣ проходили густою толпою разные житейскіе помыслы! Что, если ты, присутствуя здѣсь, помышлялъ о твоихъ житейскихъ дѣлахъ, о домоводствѣ, о прибыляхъ коммерческихъ, объ удовольствіяхъ вечернихъ, о свиданіяхъ условленныхъ, о проэктахъ недоконченныхъ, о женѣ, одѣтяхъ, о друзьяхъ, о врагахъ, объ отличіяхъ, о потеряхъ, и Богъ знаетъ о чемъ? Не есть ли въ настоящемъ случаѣ твое сердце дорога, самая большая и самая многолюдная, на которой все должно быть затоптано? Какъ же желать, чтобы

въ такомъ сердцѣ сѣмя слова Божія сохранилось, не затопталось, могло произрасти и принесть свой плодъ?

Вышедши изъ церкви, ты дѣлаешь твоимъ знакомымъ пощенія, утреннія, обѣденныя, вечернія; новыя лица, новые предметы, новыя вѣсти, новыя происшествія, новыя заботы, новыя встрѣчи—пріятныя, скучныя, радостныя, печальныя, полезныя, вредныя, серьезныя, соблазнительныя,—и чего нѣтъ въ нашей жизни!—и все это шумною чередою понеслось чрезъ твою душу:—что и тогда твое сердце, какъ не дорога, непроходимая отъ безчисленнаго множества ходящихъ, которые, если не затопчутъ въ твоей душѣ сѣмени слова Божія, изъ церкви тобою вынесеннаго, такъ унесутъ его на ступняхъ своихъ въ ту или другую сторону—и не оставятъ его въ сердцѣ!

Но ты любишь домашнюю жизнь и проводишь ее въ чтеніи. Какимъ же чтеніемъ займешься, вышедши изъ церкви? Божественное и духовное ты уже слышалъ; теперь считаешь для себя нужнымъ или пріятнымъ человѣческое и плотское. Не говорю, какимъ именно займешься чтеніемъ, хотя не могу не замѣтить, что есть люди, которые находятъ особенное удовольствіе въ письменныхъ изображеніяхъ самыхъ безнравственныхъ состояній природы человѣческой, какъ бы приличнѣе было смѣяться, а не плакать надъ безобразнымъ и истерзаннымъ трупомъ своего брата. Но какое бы ни было чтеніе, только если оно не согласно, а еще противоположно слышанному тобою слову Божію, уже эта самая противоположность и несообразность, занявъ все твое вниманіе, не дастъ въ твоёмъ сердцѣ сѣмени слова Божія прозябнуть и принесть плодъ,—и слово Божіе будетъ потоптано въ тебѣ идеями, понятіями, мыслями и выраженіями чтенія, ему противоположнаго, занявшими твою душу; и творцы сочиненій, тобою читанныхъ и одного чувственнаго исполненныхъ, овладѣвъ

твоимъ вниманіемъ, воображеніемъ, всею душою, какъ птицы небесныя поклюютъ въ твоемъ сердцѣ сѣмя слова Божія; и самъ діаволь, прокравшись въ твое сердце чрезъ разные мірскіе предметы, какъ проводники, унесетъ сіе слово изъ твоего сердца, чтобы ты въ него не увѣровалъ, вовсе о немъ забылъ, и не спасся.—

[Бесѣда сія осталась неконченною въ рукописѣ].

С Л О В О

Въ недѣлю двадцать третію 1843 года.

Благодатию есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ: Божій даръ; не отъ дѣлъ, да никтоже похваляетъ [Еф 2. 8. 9]. (Слова нынѣ чтеннаго Апостола).

Здѣсь Апостоль Павелъ учитъ, что мы спасеніе получили по благодати чрезъ вѣру, а не за дѣла. Въ другихъ мѣстахъ онъ же говорятъ, что мы оправдываемся вѣрою, безъ дѣлъ закона (Рим. 3, 28). Отъ сего въ нѣкоторыхъ того времени вѣрующихъ родилась ошибочная мысль, будто для спасенія довольно одной вѣры, а дѣлъ добрыхъ вовсе не нужно, слѣд. можно со всѣмъ уволить себя отъ исполненія закона; только вѣруй во Христа и уповай на Его заслуги, а жить—живи себѣ какъ хочешь, и—спасешься чрезъ вѣру, безъ дѣлъ добрыхъ. Такая мысль перешла въ самое дѣло, вѣрующіе вознерадѣли о законѣ, уклонились отъ добродѣтели, перестали или и не начинали творить добрыхъ дѣлъ, зло разлилось, будучи такъ согласно съ страстями, и сдѣлалось столь явнымъ и общимъ, что Апостоль Іаковъ нашелся принужденнымъ писать посланіе соборное, т. е. окружное или общее ко всѣмъ тогдашнимъ христіанамъ изъ Іудеевъ, по всюду разсѣяннымъ, и въ посланіи доказывать и объяснять, что одна вѣра безъ

добрыхъ дѣлъ мертва, ничтожна, неспасительна. „Что пользы, братіе мои“, писалъ онъ, „если кто говоритъ, что имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Ужели вѣра одна можетъ спасти его? Если, напр. братъ или сестра наши и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: подите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь; но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? Такъ и вѣра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ... Ты вѣруешь, что Богъ Единъ: хорошо, и бѣсы вѣрують, и трепещутъ. Хочешь-ли уразумѣть, что вѣра безъ дѣлъ мертва? Авраамъ, отецъ нашъ, не дѣлами-ли оправдался, возложивъ сына своего Исаака на жертвенникъ? Не видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами совершилась вѣра? И исполнилось сказанное въ писаніи: повѣрилъ Авраамъ Богу, и сіе вмѣнилось ему въ праведность, и онъ нареченъ другомъ Божиимъ. Не видите-ли, что дѣлами, а не вѣрою только оправдывается человѣкъ? Какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іак. 2, 14—26).

Апостолы, однакожъ, не противорѣчили другъ другу, ибо въ нихъ говорилъ одинъ и тотъ-же Духъ Святой, Духъ истины; людская только слабость или недалковидность поставила ихъ какъ-бы въ противорѣчіе. Если одинъ говоритъ, что мы спасены благодатію, а не за дѣла: то другой не говоритъ, что мы спасены не благодатію, а за дѣла. Первый утверждаетъ, что мы оправдаемся вѣрою безъ дѣлъ закона; однакожъ не утверждаетъ, что вѣрою не имѣющею дѣлъ, или что дѣла при вѣрѣ вовсе не нужны; напротивъ—сдѣлавши вопросъ: *законъ-ли разоряемъ, и слѣд. дѣла-ли отвергаемъ, вѣрою?*—Отвѣтствуетъ: *да не будетъ: но законъ, слѣд. и добрыя дѣла, утверждаемъ* (Рим. 3, 31), какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *не слышатели закона праведни предъ Богомъ, но творцы, т. е. исполнители закона, сіи оправдятся* (2, 13). Равно и послѣдній не отрицаетъ, что мы оправдаемся вѣрою, но притесновываетъ, что

не вѣрой одной, а и дѣлами, или вѣрой съ дѣлами, такъ что вѣра безъ дѣлъ мертва и не спасаетъ; ибо онъ не говоритъ, что Авраамъ оправдался дѣлами, а не вѣрой, но что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами совершилась его вѣра.—Оба они ссылаются на одинъ и тотъ-же примѣръ Авраама;—но одинъ, что бы объяснить, что человѣкъ оправдывается вѣрою (Рим. 4, 1—5), тѣмъ, кои думали оправдаться однимъ дѣлами закона Моисеева, и не принимали вѣры Христовой, какъ излишней, а другой, что бы объяснить, что вѣру должно оправдывать дѣлами, тѣмъ, кои полагались на одну вѣру свою во Христа, и не считали необходимыми для себя дѣлъ добрыхъ, тоже какъ излишнихъ. Но въ существѣ догмата Христіанскаго оба были совершенно согласны; т. е. что мы спасаемся или оправдываемся одною благодатию чрезъ вѣру, а не отъ дѣлъ; но ни чрезъ вѣру безъ добрыхъ дѣлъ, ни чрезъ добрыя дѣла безъ вѣры, а чрезъ вѣру, споспѣшествуемую любовью (Гала. 5, 6), какъ говоритъ Апостоль Павелъ, и совершаемую дѣлами, какъ разсуждаетъ Апостоль Іаковъ (Іак. 2, 22),—т. е. вѣрой съ дѣлами.

Такъ, братіе, учитъ православная наша церковь, когда всякому, чтобъ наслѣдовать жизньъ вѣчную, почитаетъ необходимымъ имѣть правую вѣру и добрыя дѣла (Прав. Испов. Петра Могилы, вопр. и отв. 1). Впрочемъ предметъ сей столько важенъ, что стѣдуетъ того, чтобъ изъяснить его нѣсколько подробнѣе.

Что благодатию мы спасаемся, это видно изъ самаго существа дѣла.

Спасеніе нужно, безъ сомнѣнія, грѣшникамъ. Кто не погибаетъ, тому нечего спасаться. Врача, говоритъ самъ Спаситель, требуютъ не здоровые, а болящіе, и Я пришелъ призвать къ покаянію, а слѣд. и спасти, не праведниковъ, а грѣшниковъ. Такъ, *вѣрно слово*, да скажетъ всякой изъ насъ вслѣдъ за Апостоломъ Павломъ, и всякаго

пріятія достойно, яко Ісусъ Христосъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нижше первый есмь азъ (Тим. 1, 15).

Отъ чего жъ грѣшникамъ спастись? Отъ самаго грѣха и страшныхъ его послѣдствій, кои Апостоль указаль намъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ, что *грѣхъ — жало смерти, и оброцы грѣха смерть* (1 Кор. 15, 55; Рим. 6, 23). Грѣхъ, котораго мы такъ мало боимся, произвелъ намъ два главныхъ зла: какъ беззаконіе, оскорбилъ Божіе правосудіе, и поставилъ насъ подъ его праведное отмщеніе; а какъ ядъ, противный собственной нашей природѣ, растлилъ ее до послѣдней степени и довелъ до смерти. — Могъ ли самъ человѣкъ помочь себѣ въ такомъ своемъ несчастіи? Въ порядкѣ естественномъ, который одинъ въ нашей власти, средствъ къ тому не оставалось. Чѣмъ и какъ могъ бы онъ защитити себя отъ заслуженнаго Божіа мщенія? Кто могъ бы исхитити его изъ рукъ правосуднаго и всесильнаго Бога? Какъ бы онъ могъ исправить и собственное разстройство и освободити себя отъ грѣха, проникшаго его до костей? Этотъ разбитый глиняный сосудъ могъ ли самъ собою возсоздаться и возставиться? — И человѣку оставалось и въ себѣ самомъ только растлѣваться до конца и слѣд. гибнуть, и отъ Бога на себя принять соразмѣрное грѣхамъ своимъ отмщеніе, и слѣд. гибнуть. Грѣхъ — жало смерти, смерть — воздаяніе грѣха — это судъ Божій, слѣд. непреложный, и спасеніе для грѣшника было бы не возможно, если бы самъ Богъ того не восхотѣлъ.

И Богъ по милосердію своему не восхотѣлъ, чтобы человѣкъ, созданный для славы Его, для бытія, добродѣтели и блаженства, погибъ; *живу азъ*, говоритъ Онъ у Пророка, *не хочу смерти грѣшника*; и вслѣдствіе столь благой воли о насъ изобрѣлъ дѣйствительнѣйшее средство и удовлетворити неизмѣнному своему правосудію, и освободити насъ отъ грѣха, то есть содѣлать насъ грѣшниковъ

праведниками. Это средство состояло въ томъ, чтобъ Единородный Сынъ Его воплотился и вочеловѣчился, и въ образѣ челоуѣка съ одной стороны принялъ на себя, какъ посредникъ нашъ, наши грѣхи, и наказаніе, коему мы за грѣхи подлежали, а съ другой, какъ возсоздатель нашъ, своимъ ученіемъ, примѣромъ и благодатію избавилъ насъ отъ грѣховъ и содѣлалъ насъ праведными. Это два обратныхъ дѣйствія спасенія, противоположныхъ двумъ дѣйствіямъ грѣха. Какъ грѣхъ произвелъ два зла: Бога оскорбилъ и насъ разстроилъ, такъ спасеніе должноствовало состоять изъ двухъ дѣйствій: примиренія насъ съ Богомъ и нашего возсозданія. Первое Христу надлежало совершить своими страданіями и смертію, второе своимъ ученіемъ, примѣромъ, благодатію; первое должноствовало спасти насъ потому, что представляло бы Христа жертвою за насъ Божию правосудію; второе потому, что перерождало бы всю нашу нравственность и дѣлало насъ праведными; первымъ мы избавилась бы отъ Божія гнѣва за сдѣланные уже грѣхи; вторымъ освободились бы отъ грѣховъ будущихъ, и, содѣлавшись праведниками, привлекли на себя Божіе благословеніе; первымъ спаслись бы отъ вѣчныхъ мукъ, вторымъ удостоились наслѣдовать вѣчное блаженство. Что все это Христомъ на самомъ дѣлѣ совершено, объ этомъ свидѣтельствуется все Евангеліе, съ дополненіемъ, что Христосъ упредилъ на землѣ Церковь, какъ сокровищницу видимыхъ средствъ спасенія, дабы мы, слишкомъ чувственные и плотскіе, удобнѣе могли и получать отъ Бога прощеніе грѣховъ и возникать отъ грѣховъ къ дѣйствительной праведности.

Таковъ ходъ и таково существо спасенія, совершеннаго для насъ и предложеннаго намъ Богомъ. Не явно ли, что мы спасены благодатію, а не отъ дѣлъ? Ибо какія дѣла у грѣшника, какъ грѣшника, уже осужденнаго на погибель? И почему иному, какъ не по одной благодати, со-

вершенно даромъ, безъ всякой или противъ всякой нашей заслуги, а по одной своей волѣ и силѣ, спасаетъ насъ Богъ, когда мы не имѣемъ дѣлъ добрыхъ, и не можемъ имѣть ихъ сами по себѣ, будучи по духу мертвы, какъ часто Апостоль именуеть грѣшниковъ?

И такъ вѣрно слово Апостола, что мы благодатию спасены, а не отъ дѣлъ, или не за дѣла. Но спасеніе совершено внѣ насъ, и намъ только предложено; усвоимъ его себѣ—спасемся, не усвоимъ—не спасемся. А какъ всякій хозяинъ своей вещи имѣеть полное право уступить ее другому безъ всякаго условія или съ какимъ ему угодно условіемъ; спасеніе же есть собственность одного Бога; ибо Онъ его для насъ и избрѣлъ и совершилъ, и намъ предложилъ: то Богъ съ условіемъ или безъ условія предложилъ намъ спасеніе? Съ условіемъ правой вѣры во Христа и добрыхъ дѣлъ во Христѣ. Ужели дерзнемъ спрашивать, почему не безъ всякаго условія?—Это было въ полной волѣ и власти Бога надъ нами; по послѣдней мы въ рукахъ Его тоже, что глина въ рукахъ горшечника,—что хочеть, то съ нами дѣлаеть, а по первой Онъ всегда намъ хочеть одного блага, существенно намъ свойственнаго. Но не будемъ ссвязаться, а продолжимъ, что начали.

Вѣра слѣд. есть одно изъ условій или средствъ усвоить намъ спасеніе.—Это условіе такъ не отложено, что спасеніе наше соединено съ однимъ только именемъ Христовымъ: *нѣсть бо иного имене подъ небесемъ даннаго въ чловѣцхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ*, кромѣ, т. е. имени Христова, свидѣтельствуеть А. Петръ за общимъ голосомъ всѣхъ Пророковъ и Апостоловъ и самаго Христа (Дѣян. 4, 12); равно и отъ насъ для спасенія требуется вѣра во Христа подъ опасеніемъ во все лишиться спасенія безъ вѣры, какъ сказано: *впруай въ Сына, имать животъ вѣчный; а иже не впруеть въ Сына, не узритъ живота, но иже въ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. 3, 36); и въ дру-

гомъ мѣстъ: *вѣруй въ Онъ, нѣтъ осужденіи; а не вѣруй уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя Единороднаго Сына Божія* (ст. 18). Какъ же теперь, братіе, подумаль бы кто спастись безъ вѣры?

Какъ спасется грѣшникъ, если онъ вѣроу во Христа не усвоить себѣ заслугъ Его, не укроется за ними какъ за бронюю, останется нагимъ для стрѣлъ небеснаго правосудія, не явится предъ Бога въ одеждѣ Единороднаго Его Сына, въ которомъ одномъ положилъ Онъ все свое благоволеніе къ человѣкамъ?—Въ планѣ Промысла было, чтобъ изъ двухъ сыновей патриарха Исаака получилъ отъ него благословеніе первородства меньшій его сынъ Іаковъ; между тѣмъ отецъ, по требованію закона, хотѣлъ отдать благословеніе первенцу Исаву: не одѣнся Іаковъ въ одежду Исава, не получитъ бы ему и благословенія отъ Исаака. Такъ и въ дѣлѣ спасенія: не облекись грѣшникъ въ одежду заслугъ Единороднаго Сына Божія, не получитъ ему отъ Бога благословенія, а съ тѣмъ змѣстъ отпущенія грѣховъ, примиренія съ Богомъ, избавленія отъ вѣчной смерти. Самъ Отецъ торжественно и не однажды съ неба въ слухъ человѣковъ свидѣтельствовалъ о Сынѣ: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ: Того послушайте* (Мат. 17, 5); самъ Сынъ говорилъ о себѣ: *никтоже прійдетъ къ Отцу, токмо Мною* (Іоан. 14, 6); а избраннѣйшіе изъ Апостоловъ благовѣствовали,—одинъ—что тѣмъ только, кои принимаютъ Христа и вѣрують во имя Его, *дасть Онъ область чадомъ Божиимъ быти* (1, 12), и другой, что какъ *одинъ есть Богъ, такъ одинъ есть и ходатай Бога и человековъ человекъ Христосъ Іисусъ, давший себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тим. 2, 5. 6). Какъ же противъ такихъ и столькихъ свидѣтельствъ грѣшникъ думаль бы спастись безъ Христа, Единственнаго своего Спасителя, и безъ вѣры, необходимаго къ тому средства или условія?

Но столь же мало возможно грѣшнику спастись безъ

вѣры и въ другомъ отношеніи, т. е. освободиться отъ грѣха и сдѣлаться праведникомъ, потому что сіе невозможно не усвоивши ученія Христова, не подражая Его примѣру, не укрѣпляясь Его благодатию. — Спасеніе есть тайна Божія, въ которой мы сами отъ себя не можемъ ничего придумать, а должны во всемъ положиться на то, что говорятъ намъ о семъ самъ Богъ въ своемъ словѣ. А въ словѣ Божіемъ говорится, что ученіе Христово есть единственное сѣмя нашего спасенія; такъ А. Петръ пишетъ, *что праведники поражаются не отъ тлннаго сѣмени, или отъ ученія просто человѣческаго, но отъ сѣмени нетлннаго, отъ слова Божія, живаго и пребывающаго во вѣкъ* (1 Петр. 1, 23). Говорится, что единственный для насъ примѣръ праведника есть примѣръ Христа; ибо Онъ одинъ *грѣха не сотворилъ* (1 Петр. 2, 23), одного себя Онъ оставилъ намъ въ примѣръ, какъ главный образецъ, *да послѣдуемъ стопамъ Его* (ст. 21); Его одного и Богъ представилъ въ примѣръ призваннымъ ко спасенію, *да будутъ подобны Сыну Его*, которыхъ потому и о правдываетъ, и прославляетъ (Рим. 8, 29, 30), и въ насъ потому *должно мудрствоваться тоже, что и во Христѣ Иисусѣ* (Фил. 2, 5), т. е. тотъ же, что и, во Христѣ, а не въ комъ другомъ, быть образъ мыслей, чувствованій, желаній, поступковъ, всей жизни. Говорится, что благодать Христова есть единственная сила, которая можетъ оживотворить, утвердить и укрѣпить всѣ силы нашей души для исполненія закона Божія, силы — ослабленныя грѣхомъ до крайней немощи (Рим. 8, 3); и потому, *кто не имѣетъ въ себѣ сего духа Христова, тотъ и не Его*, слѣд. и не можетъ сдѣлаться праведникомъ. Это все ясныя свидѣтельства слова Божія: судите жъ сами братіе, можно ли грѣшнику сдѣлаться праведникомъ безъ ученія Христова, безъ Его примѣра, безъ Его благодати? И судите не потому только, что я говорю, но и потому печальному опыту, который даетъ намъ собственная наша совѣсть.

Напр. когда наши мысли не заняты учениемъ Евангельскимъ, тогда чѣмъ обыкновенно бываютъ онѣ заняты, ибо во все ничѣмъ не заняты быть не могутъ? Разумѣется, помыслами житейскими, чувственными, плотскими, и хорошо еще, если не какими нибудь порочными. Или, кому мы подражаемъ, чѣмъ водимся, за чѣмъ увлекаемся, когда не подражаемъ примѣру Христову,—а не подражать вовсе никому или ничему мы тоже не можемъ? Тогда мы сообразуемся вѣку сему, водимся правилами міра, увлекаемся обычаями времени или моды. Или, отъ чего это, что мы иногда и видимъ добро, и чувствуемъ къ нему почти наклонность, и рѣшаемся уже сдѣлать его; а на дѣлѣ совершаемъ зло, которое тутъ же понимаемъ, осуждаемъ, не навидимъ? Отъ того, что полагаемся на одни свои соображенія и силы и не думаемъ провести въ сердце свое благодать, коею одною можемъ творить дѣла добрыя. Такъ мы немощны сами по себѣ для того, чтобы быть добродѣтельными.

Но усвоить себѣ учение Христово, такъ чтобы оно дѣйствовало въ насъ, по выраженію Апостола, подобно закваскѣ, претворяя собою все существо нашего сердца, но подражать Христу, такъ чтобы правила Его жизни были самыми любимыми правилами нашей жизни, но принять въ себя благодать Его, такъ чтобы она оживотворяла, укрѣпляла, воодушевляла всю нашу душу—можно ли все это безъ вѣры? Какъ можно, когда мы безъ вѣры и вообще не можемъ ни принимать какое бы то ни было учение, ни слѣдовать чьему либо примѣру, ни подкрѣпляться какою либо силою. Вѣра тоже для души, что отверстия уста для тѣла. Не открывши усть, мы не можемъ напитаться, хотя бы имѣли предъ собою самую хорошую пищу; такъ и безъ вѣры, этой сердечной готовности къ принятію, спасеніе не войдетъ въ нашу душу и мы не сдѣлаемся изъ порочныхъ добродѣтельными, изъ грѣшниковъ праведниками.

Насъ иногда плѣбляютъ добродѣтели, часто довольно благовидныя, такихъ людей, которые въ другихъ отношеніяхъ бывають поведенія очень двусмысленнаго. Ибо, производя дѣла истинно-добрыя собственно отъ вѣры, нельзя однакожь сказать, чтобы какихъ либо добродѣтелей не имѣли даже неѣрующіе. Не спѣшите вѣрить такимъ добродѣтелямъ; это, можетъ статься, не золото, а только позолота. И у язычниковъ, слѣд. внѣ вѣры, были добродѣтельные Аристиды, Сократы, Фокіоны; но объ ихъ спасеніи мы ничего не знаемъ; а судя по общему правилу — что человекъ — одно изъ двухъ, или есть вѣрующій, или самолюбивый, — можемъ подозрѣвать, что высокія ихъ добродѣтели были тайно повреждены самолюбіемъ, ибо происходили не отъ вѣры. *Всяко, еже не отъ вѣры грѣхъ есть*, сказалъ Апостоль (Рим. 14, 23); а блаженный Августинъ не усомнился даже назвать добродѣтели язычниковъ блестящими пороками. Если жъ были язычники, коихъ дѣла восходили къ Богу, слѣд. имѣли всю важность дѣлъ добрыхъ, какъ напр. дѣла Корнилія сотника, упоминаемаго въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, коему Ангель возвѣстилъ, что *молитвы и милостыни его пришли ни память Богу* (Дѣян. 10, 4), то сіе отъ того, что въ душѣ сего язычника уже загоралась вѣра, какъ то тогда же оправдалось его обращеніемъ, и слѣд. это были дѣла уже не плоти, а вѣры. *Благодатию есте спасени чрезъ вѣру, да никтоже похвалится.*

Но есть ли нынѣ такіе, кои думали бы спастися дѣлами безъ вѣры? Есть, по крайней мѣрѣ такіе, которые, думая быть добродѣтельными, вовсе не заботятся о вѣрѣ: что въ вѣрѣ? были бы добродѣтели; за добродѣтели Богъ и награждаетъ. Такъ, возлюбленные! но каковы ваши добродѣтели, если онѣ не отъ вѣры? Чѣмъ онѣ лучше языческихъ? Если вы добродѣтельны, какъ самый Сократъ; то еще не такъ, какъ Христось и не далѣе, какъ добродѣтельный язычникъ; а въ царствіе небесное вводится только подражатель Хри-

стовъ. И такіе люди, по несчастію, бываютъ иногда лучшіе въ обществѣ; выходятъ изъ толпы другихъ тѣмъ, что разсуждаютъ, и изъ толпы разсуждающихъ тѣмъ, что получили образованіе, и изъ толпы образованныхъ тѣмъ, что думаютъ быть философами и моралистами, для коихъ нужны одни дѣла.—Мудрено ли послѣ сего, что спасеніе бываетъ труднѣе или недоступнѣе для грѣшниковъ умныхъ и добродѣтельныхъ, какъ нѣкогда для Іудейскихъ Фарисеевъ, нежели для грѣшниковъ грѣшныхъ и простыхъ, какъ для мытаря, въ евангеліи противопоставленнаго Фарисею? Впрочемъ, кажется, больше такихъ, кои думаютъ спастись одною вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, или безъ точнаго исполненія закона.

Удивительное дѣло!—душа въ человѣкѣ будто одна, а онъ двоятъ; самъ себѣ противостоитъ, самъ съ собою споритъ, самъ себя побѣждаетъ и отъ себя побѣждается. *Плоть похотѣствуетъ на духа*, говоритъ Апостоль, *духъ на плоть: сія же другъ другу противятся, да не яже хотите, сія творите* (Гал. 5, 7). Но ужели эта плоть есть грубое наше тѣло?

Не можетъ быть; земля, хотя одушевленная, но несмысленная и несвободная—можетъ ли воевать съ духомъ, который есть мысль и свобода, и еще брать надъ нимъ перевѣсъ?—Нѣтъ, тутъ должна быть одна и таже душа. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостоль жалуется на такое въ себѣ противорѣчіе: *самъ не понимаю*, говоритъ, *что дѣлаю; ибо не дѣлаю, что хочу, а дѣлаю что ненавижу; добра, котораго хочу, не дѣлаю, а дѣлаю зло, котораго не хочу: по внутреннему челоуку нахожу удовольствіе въ законъ Божіемъ; но вижу въ членахъ моихъ другой законъ, который воюетъ противъ закона ума моего и дѣлаетъ меня плъшникомъ грѣховнаго закона* (Рим. 7, 15—23). И такъ вотъ изъясненіе загадки!—Душа въ насъ одна, но два въ ней теперь закона; одинъ ума, другой плоти; одинъ угождаетъ душѣ, другой тѣлу; одинъ влечетъ

къ добру, другой ко злу; одинъ отъ Бога, другой отъ грѣха, и человекъ волнуется ими и между ними, какъ бѣдный пловецъ среди бурныхъ волнъ, и кажется двоякимъ, бывая весь то на той, то на другой сторонѣ. Отсюда-то у насъ всѣ противорѣчія съ самими собою. Отсюда и то, что люди имѣютъ вѣру, и не имѣютъ дѣлъ. Все это, говорю, отъ грѣха, потому что, если бы природа наша не была растлѣна грѣхомъ, дѣла слѣдовали бы, по внутренней необходимости, за знаніемъ, какъ бьютъ часы за указаніемъ стрѣлки, чего нынѣ нѣтъ: стрѣлка показываетъ, а часы не бьютъ; есть познаніе, а дѣлъ добрыхъ нѣтъ; есть вѣра, а нѣтъ добродѣтелей, ея требуемыхъ; противорѣчіе самое печальное, ибо гибельное! Для чего ужъ вѣровать, если не исполнять? Для чего принимать ученіе Христово, если не жить сообразно Его догматамъ, правиламъ, обѣтамъ или угрозамъ? Для чего знать примѣръ Христовъ, если стезямъ Его противопологать стези грѣха, и первыя бросать и на послѣднія бросаться, вмѣсто того, чтобы послѣднихъ бѣгать, а держаться первыхъ однихъ? Для чего пользоваться проводниками и дѣятелями благодати Христовой, каковы суть таинства, если потомъ имѣть несчастіе видѣть ея безсиліе надъ своимъ сердцемъ и побѣду надъ нею своихъ страстей? Для чего всѣ виды Христова уничиженія,—Его страданія, кровь и смерть, если вѣровать въ нихъ для того только, что бы, въ ложной надеждѣ на ихъ оправдательную силу, болѣе и смѣлѣе грѣшить, безбоязненно оскорблять грѣхами Бога, и какъ бы снова вызывать Спасителя на столько же новыхъ поносныхъ смертей, сколько мы подъ благодатию сдѣлаемъ новыхъ беззаконій? Сами видите, братіе, какое ужасное дѣло—не оправдывать вѣры добродѣтелями христіанскими. Такое поведеніе ниспровергаетъ все дѣло Христово, всю вѣру, все наше спасеніе и за это ли ожидать себѣ спасенія? Христосъ хочетъ *возсоздать* насъ благодатию чрезъ вѣру не для грѣховъ, а соб

твенно для дѣлъ добрыхъ; да избавитъ насъ отъ всякаго беззаконія, и сдѣлаетъ насъ Себѣ народомъ избраннымъ, ревностнымъ къ добрымъ дѣламъ, какъ учить Апостоль (1 Тим. 2, 14). Что жъ намъ сказать, говорить тотъ же Апостоль: остаться ли въ грѣхъ, чтобы благодать умножилась? Никакъ! умерши грѣху, какъ еще будемъ жить въ немъ (Рим. 6, 12)? И тщету вѣры безъ дѣлъ самъ Христосъ, обличаетъ, говоря: не всякъ глаголюй Ми: Господи, Господи! увидетъ въ царствіе небесное; но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесахъ (Матѣ. 7, 21). Что жъ зовете Мя: Господи, Господи, и не творите, иже глаголю (Лук. 6, 46)? И послѣ сего можно надѣяться спасенія за одну вѣру безъ добрыхъ дѣлъ!

О, братъ мой! Ты вѣруешь, говоришь ты; хорошо: но разсуждая съ тобою о дѣлѣ столь важномъ, каково твое спасеніе, беру смѣлость напомнить тебѣ, что и бѣсы вѣрують, напр. что Богъ единъ, или что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій; но трепещуть, потому что вѣра ихъ не имѣетъ дѣлъ. Ты вѣруешь; не спорю, видя тебя здѣсь, но покажи мнѣ въ самой жизни твоей вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ; всякое древо познается отъ плодовъ; если плоды хороши, хорошо и дерево; если плоды худы, то и дерево худо; если жъ оно перестало давать плоды, оно для насъ умираетъ; если и вѣра не имѣетъ добрыхъ дѣлъ, она мертва, ея нѣтъ. Ты говоришь, что вѣруешь, да, полно—правда ли, что ты вѣруешь? Если ты вѣруешь, то отъ чего жъ не всею душею принимаешь ученіе Христово, — не мыслишь по Евангельски, не чувствуешь по Евангельски, не живешь по Евангельски? Отъ того, что не вѣруешь. Если ты вѣруешь; то отъ чего, имѣя предъ глазами всю жизнь Христову—Его сыновнюю преданность Отцу небесному, Его братскую любовь ко всѣмъ человѣкамъ, даже къ врагамъ, Его невинность, праведность, святость, — самъ, однакожъ, не смотря на столь прекрасный и увлекательный примѣръ, не столько благочестивъ къ Богу, не сто-

лько братолюбенъ съ ближними, не столько чистъ самъ въ
 въ себѣ? Отъ того, что не вѣруешь. Если ты вѣруешь,
 то отъ чего, причащаясь таинствамъ, и, можетъ быть, не
 безъ мысли даже почерпнуть изъ нихъ благодать Божію
 спасительную, не даешь однакожъ сей благодати произво-
 дить въ твоёмъ сердцѣ спасительныхъ своихъ дѣйствій,
 кои, по описанію Апостола, состоятъ въ томъ, *да отвер-
 шися нечестія и мірскіе похотей, цѣломудренно и правед-
 но и благочестно поживеши въ нынѣшнемъ свѣтѣ* (Тим. 2, 12)?
 Отъ того, что не вѣруешь. Если ты вѣруешь: то отъ чего,
 исповѣдая по вѣрѣ, что Христосъ своею смертію искупилъ
 наши грѣхи, представилъ насъ грѣшниковъ невинными,
 примирилъ насъ съ Богомъ, и отверзлъ намъ двери
 райа, самъ однакожъ и не думаешь спѣшить въ эти двери,
 не хранишь мира съ Богомъ, не дорожишь своею невиннос-
 тію, услаждаешься своею грѣховностію—ибо какъ ни ду-
 май, а все это такъ, коль скоро ты вѣры своей не оправ-
 дываешь дѣлами? Отъ того, что не вѣруешь. Если ты вѣ-
 руешь и по вѣрѣ принадлежишь къ церкви, какъ членъ ея
 ея тѣла, но дѣлами не доказываешь, что ты членъ живой,
 а не мертвый, носишь отъ ней имя христіанина, но не
 оправдываешь имени жизнию, пользуешься ея правами, но
 не думаешь соблюдать ея обязанно тей, участвуешь въ
 священнодѣйствіяхъ, но не даешь ихъ силѣ и духу дѣйстви-
 вать на твою душу,—какая тутъ вѣра? Нѣтъ, ты не вѣруешь.

Истинно, братіе мои, кто говоритъ, что вѣруетъ, а
 дѣлъ добрыхъ не имѣеть, тотъ, не имѣя дѣлъ, не имѣеть
 и вѣры. Вѣра безъ дѣлъ мертва, какъ тѣло безъ души.
 Что жъ, если какой человѣкъ еще довольствуется и успо-
 коивается какими нибудь бездушными свидѣтельствами сво-
 ей вѣры, вмѣсто живыхъ и дѣйствительныхъ? Какими это,
 спросите? О! вѣра бездѣятельныхъ имѣеть свои хитрости,
 что бы на судъ міра покрайней мѣрѣ представляться еще
 вѣрою, а не явнымъ безвѣріемъ. Ибо самый міръ сохраня-

нлетъ еще ту справедливость, что осуждаетъ, по крайней мѣрѣ, не хвалить вѣры, ничѣмъ не оправдываемой, такъ же какъ онъ осуждаетъ и открытые пороки, хотя самъ лежитъ во злѣ и живетъ страстями. И потому, чтобы не уронить себя въ мѣрѣ, или въ такъ называемомъ общественномъ мнѣнїи, вѣра бездѣятельная и прикрывается— чѣмъ? *Наружнымъ видомъ благочестїа*, который снаружи поплащаетъ, а внутри не тревожитъ, а еще питаетъ такую вѣру. Во время пребыванїя Христова на землѣ были люди, которые весьма строго соблюдали обряды закона, чѣмъ и свидѣтельствовали свою вѣру—дѣло похвальное; но не заботились соблюдать заповѣдей закона, и тѣмъ показывали всю бесплодность своей вѣры—дѣло подвергнутое отъ Христа осужденїю. *Горе вамъ, книжницы и Фарисеи лицемеры*, говорилъ Христосъ такимъ людямъ, *яко одесѣтствуете мятежу и копрѣ и кименѣ, и остависте вящшая закона: судъ, милость и вѣру; сія же подобаше творити и оныхъ не оставляти* (Матѣ. 23, 23). Дѣло въ томъ, что по закону Моисееву надлежало давать храму десятину отъ всѣхъ плодовъ. Фарисеи такъ строго соблюдали сей законъ, что давали десятину даже съ мяты, аниса и тмина. Но законъ же Моисеевъ требовалъ, чтобы люди творили судъ, милость и вѣру, т. е. были во всемъ справедливы, любили ближнихъ и имѣли живую вѣру въ Бога. Фарисеи, напротивъ, были несправедливы и небратолюбивы и неблагочестивы. Первые обязанности составляли только наружность, а послѣднїя самый духъ закона. Послѣднїя-то, говорилъ имъ Христосъ, и надлежало исполнять, ибо они суть вящшая закона, хотя не надлежало оставлять и первыхъ, ибо и онѣ предписаны закономъ: *сія подобаше творити, и оныхъ не оставляти*. Не можетъ ли подобнаго случиться и съ нами? Очень можетъ. Ибо и мы имѣемъ обрядовую сторону вѣры,—это всѣ наружные обряды, дѣйствїя и обязанности церковныя. Что жъ, не жалкое ли то было бы заблужденїе, когда бы кто, вѣ-

руя въ церковь, признавая всѣ ея уставы, обязанности, обряды, и строго соблюдая ихъ, напр. приходя въ церковь когда должно, жертвуя отъ своихъ избытковъ на ея нужды и потребности, чувствуя ея праздники, храня заповѣданные ею посты, и тому подобное, тѣмъ и ограничилъ все дѣло своего благочестія; а не старался бы соблюдать законъ Божій, какъ вѣра научаетъ и требуетъ; не заботился любить Бога всѣмъ сердцемъ, любить ближняго какъ себя самаго во всякой чистотѣ?— Какъ угодно, а такая вѣра, какъ бы ни была благовидна, была бы лицемѣрная, ложная, мертвая, достойная тогоже осужденія, какимъ поразилъ ее Христосъ въ фарисеяхъ. Должно соблюдать церковные обряды и обязанности; ибо онѣ учреждены Христомъ же въ самомъ учрежденіи церкви; но должно наипаче исполнять обязанности закона—судъ, милость и вѣру. Первые суть наружности вѣры, послѣднія самый духъ вѣры; первые суть средства, послѣднія—самая цѣль вѣры; первые важны, но послѣднія вѣщающая вѣры; и первыхъ не должно оставлять, но послѣднія—преимущественно должно соблюдать, по заповѣди Спасителя: *сія подобаше творити, и оныхъ не оставляти. Суббота челоуѣка ради бысть*, говорилъ самъ же Спаситель людямъ, полагавшимъ все благочестіе въ исполненіи закона, *а не челоуѣкъ субботы ради* (Матѣ. 2, 27): тоже можно повторить и для тѣхъ, кои полагають всю вѣру свою въ соблюденіи однихъ наружностей вѣры; всѣ наружные обряды учреждены для челоуѣка, а не челоуѣкъ для сихъ обрядовъ. Это значить, что вѣра челоуѣка, поставленнаго выше наружныхъ обрядовъ, состоитъ въ чемъ-то вышемъ, нежели въ одномъ соблюденіи наружныхъ обрядовъ, именно въ строгомъ исполненіи самыхъ заповѣдей Божіихъ и въ дѣлахъ добрыхъ.

Какая вѣра истинная? Апостолъ Іаковъ отвѣтствуетъ: *вѣра чиста и нескверна предъ Богомъ и Отцемъ сія есть, еже поспѣвати сирыхъ и вдовицъ въ скорбляхъ ихъ, и несквер-*

на себе блостч отъ міра (Іак. 1, 27). Не явно ли, что для полноты и совершенства вѣры не довольно вѣровать въ Бога, но вѣруя въ Него и любя Его все́мъ сердцемъ, необходимо еще имѣть братолюбіе къ ближнимъ, особенно къ несчастнымъ сиротамъ и вдовцамъ, и самихъ себя соблюдать чистыми отъ сквернъ міра, каковы суть все́ страсти житейскія? А это значить, что необходимо вѣру оправдывать добрыми дѣлами, и только чрезъ такую вѣру спасешься.

Будемъ же, братіе, вѣровать, что мы спасены благодатію Божію, а не отъ своихъ дѣлъ, и постараемся усвоить себѣ спасеніе вѣрою, но не безъ дѣлъ, равно какъ и не дѣлами безъ вѣры, а собственно вѣрою, споспѣшествуемою любовію, и оправдываемою добрыми дѣлами. Аминь.

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ

Фгюста Шиколя.

VII.

ПЛОДЫ ХРИСТИАНСТВА.

II. Тотъ общій фактъ, что съ появленіемъ христіанства начался прогрессъ цивилизаціи, которому нельзя положить предѣла, достаточно очевидно для всякаго внимательнаго изслѣдователя; онъ тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что стоитъ въ явной противоположности съ прогрессомъ одряхлѣнія и изнеможенія, приведшимъ языческій міръ на край бездны, изъ которой извлекло его христіанство.

Ничто съ такою ясностію не доказано во всеобщей исторіи, какъ этотъ мощный подъемъ міра,

оживленіе и обновленіе его подѣ живительнымъ дыханіемъ христіанства. Весьма интересные, общіе очерки сего возрожденія представилъ Вильмень въ двухъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ во имя исторіи и руководствуясь самою просвѣщенною критикою, исключительно христіанству приписываетъ это великое, свѣшечеловѣческое дѣло возрожденія: *человѣческихъ силъ и средствъ*, говоритъ онъ, *къ сему было недостаточно; одно христіанство обладало такою силою* (*). Троплогъ въ своемъ трактатѣ о вліяніи христіанства на римское право, наглядно, во многихъ подробностяхъ показываетъ намъ послѣдовательныя реформы въ законоположеніяхъ римскаго права, навѣяныя, какъ выражается онъ, *дыханіемъ свѣше*, и отразившіяся на всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ людей. Трудъ сей тѣмъ болѣе убѣдителенъ, что состоитъ болѣе въ изложеніи фактовъ, чѣмъ въ теоретическихъ соображеніяхъ: философъ здѣсь постоянно уступаетъ мѣсто ученому юристу. Гизо, вельдъ за Монтескье, также съ достаточною ясностію показалъ, что корень европейской цивилизаціи—въ христіанствѣ, что ему обязана она наиболѣе жизненными и плодотворными учрежденіями (**). Нако-

(*) См. Nouveaux Melanges historiques et litteraires, t. II, du Polqtheisme dans le premier siecle de notre ére, также de la philosophie stoïque et du chnistianisme dans le siècle des Antonins.—

(**) „Между причинами нашей цивилизаціи одна бросается въ глаза всѣмъ и каждому: говорю о христіанской церкви... Между христіанами сей эпохи, въ клирѣ церковномъ, были люди, размышлявшіе обо всѣхъ вопросахъ нравственныхъ, политическихъ, выработавшіе себѣ твердыя мнѣнія, отстаивавшіе и проводившіе ихъ

нецъ нѣтъ публициста, ни историка, ни критика достойнаго сего имени, у котораго бы сія истина не была точкою отправленія и руководительною нитію во всѣхъ изслѣдованіяхъ. Особенно въ наши дни, когда пережитые нами перевороты научили насъ глубже прозрѣвать въ основу вещей и событий и видѣть ихъ результаты, истина сія сдѣлалась аксіомой, которую нехотя признають даже враги ея.

Но съ особенною обстоятельностью, историческою полнотою и ясностію истина сія раскрыта въ обширномъ трудѣ аббата Balmes: *Протестантизмъ въ сравненіи съ Католицизмомъ въ его отношеніяхъ къ европейской цивилизаціи*. Доказавъ въ первомъ томѣ, на основаніи фактовъ и непрерываемыхъ документовъ, что только христіанство разрушило рабство, утвердило въ принципѣ и осуществило на дѣлѣ свободу человѣка, возвратило ему собственное его достоинство и естественную силу, онъ затѣмъ показываетъ, что все зданіе новѣйшей цивилизаціи воздвигнуто тою же рукою, которая заложила первое основаніе для него. Глубокая проницательность, съ какою авторъ раскрываетъ сначала главныя и существенныя черты этой цивили-

въ общество съ энергіею и рѣшительностію. Никогда общество не употребляло столько усилій, какъ христ. церковь отъ 5-го до 10-го вѣковъ, чтобы дѣйствовать во кругъ себя, ассимилировать себѣ внѣшній міръ. При подробномъ изученіи исторіи мы увидимъ всѣ ея попытки и усилія въ этомъ родѣ. Она преслѣдовала варварство на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ закоулкахъ, старалась подчинить его своей власти, чтобы преобразовать“. (Guisot, hist. de la civil. europ. p. 80).

зации, достойнымъ образомъ приготовляетъ къ подробностямъ, кои краснорѣчиво говорятъ у него, что источнымъ началомъ цивилизации въ ея существенныхъ свойствахъ послужило христіанство. Вотъ небольшая выдержка, представляющая живую картину, въ которой онъ указываетъ существенныя черты *цивилизации*, даетъ этому неопредѣленному, многозначущему слову сколько обстоятельное, столько же точное опредѣленіе:

«Личность высвобожденная изъ-подъ гнета стѣснительныхъ ограниченій, обладающая живымъ чувствомъ собственнаго достоинства, въ себѣ самой находящая обильный источникъ дѣятельности, настойчиваго труда, энергій, безпрепятственно развивающая все свои силы и способности;—женщина, возвышенная на степень подруги мужа, и за свое подчиненное отношеніе къ нему вознаграждаемая почтеніемъ и уваженіемъ, оказываемымъ ей;—мягкость семейныхъ отношеній, крѣпость семейныхъ узъ, ограждаемая и охраняемая закономъ и правосудіемъ;—общественная совѣсть, обладающая удивительною чуткостію, руководящаяся возвышенными правилами нравственности, чувствомъ правды и истины, чести и достоинства, совѣсть не гибнущая съ упадкомъ нравовъ, немолчно вопіющая противъ порока, не позволяющая, чтобы наглость и безстыдство разврата доходили до тѣхъ крайностей, конхъ свидѣтелемъ была языческая древность;—общая мягкость и кротость нравовъ, которая во время войны не терпитъ звѣрскихъ неистовствъ, беспощаднаго раззоренія, а во время мира дѣлаетъ жизнь пріятною и безмятежною;—глубокое уваженіе къ личности человѣка и его собственности, охраняющее его права, личныя и имуще-

ественныя, какъ отъ покушеній частныхъ лицъ, такъ и правительственной власти, при какой угодно формѣ политическаго устройства;—горячее стремленіе къ преобразованіямъ и улучшеніямъ во всѣхъ отрасляхъ жизни;—непреодолимое влеченіе, иногда худо направленное, но всегда живое и стремительное, къ улучшенію быта многочисленныхъ классовъ общества;— духъ милосердія и сердолобія, властно побуждающій покровительствовать слабымъ, облегчать участь несчастныхъ, преслѣдующій свою цѣль съ благороднымъ рвеніемъ и всякій разъ при встрѣчѣ съ препятствіями, не погасающій, но остающійся во глубинѣ общественнаго сознанія и производящій въ сердцахъ скорбь и безпокойство;—духъ космополитизма, чуждающійся совершенной замкнутости и исключительности;—неистощимое обиліе средствъ и способовъ къ выходу съ обновленными силами изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, изъ самыхъ опасныхъ кризисовъ;—благородное рвеніе, неудержимо стремящееся впередъ, производящее въ обществѣ непрестающее движеніе, иногда опасное, но вообще заключающее въ себѣ сѣмя великихъ дѣлъ и событій и свидѣтельствующее о мощномъ началѣ жизни,—таковы великія черты и свойства, отличающія европейскую цивилизацію, ставящія ее неизмѣримо выше всѣхъ другихъ цивилизацій, древнихъ и новыхъ».

Представить такое вѣрное изображеніе европейской цивилизаціи значитъ уже, по нашему мнѣнію, отчасти выяснить и доказать ту истину, что начало и корень сей цивилизаціи—въ христіанствѣ; ибо для того, чтобы такъ вѣрно схватить и такъ мѣтко указать существенныя свойства и принадлежности

оной, нужно уже понимать и во всей ясности соз-
навать причины оныхъ. И когда велѣдъ за симъ
авторъ, разсматривая порознь каждый изъ указан-
ныхъ имъ элементовъ цивилизаціи, при свѣтѣ здра-
ваго ума и исторіи, изслѣдуетъ ихъ происхожденіе,
отыскиваетъ, такъ сказать, ихъ родословную: онъ
даетъ намъ, нѣкоторымъ образомъ, осязать ихъ за-
рожденіе въ христіанствѣ и постепенное возраста-
ніе въ нѣдрахъ церкви до тѣхъ поръ, пока они
не перешли въ общественные нравы и учрежденія.

Мы не будемъ слѣдить за авторомъ въ разъя-
сненіи сего обширнаго предмета. Замѣтимъ только
вообще, что измѣняя религіозное отношеніе чело-
вѣка къ Богу, христіанство тѣмъ самымъ пригото-
вляло существенное измѣненіе какъ естественныхъ,
такъ и гражданскихъ или общественныхъ отноше-
ній между людьми, каковы: отношеніе раба къ го-
сподину, жены къ мужу, сына къ отцу, бѣднаго къ
богатому, подданнаго къ государю, гражданина къ
чужестранцу. Существенная переменна во всѣхъ сихъ
отношеніяхъ неизбѣжно должна была послѣдовать
велѣдъ за религіозною реформою. И когда мы ви-
димъ, что отношеніе сіи всеюду въ дохристіанскомъ
мірѣ столь извращенныя, безсмысленныя и возму-
тительно-обидныя, вдругъ начинаютъ улучшаться
подъ всеоживляющимъ дыханіемъ христіанства,
когда мы замѣчаемъ, что отъ начала нашей эры
они устроиваются на твердыхъ началахъ безусловной
правды, достоинства человѣческой личности, ува-
женія къ ея правамъ и потребностямъ,—что ви-
новники сихъ реформъ утверждаютъ, какъ на по-
слѣдней своей основѣ на идеѣ христіанства и что
имъ предшествовали въ этомъ великомъ дѣлѣ пер-
выя провозвѣстники Евангелія, кои своими устны

ми бесѣдами, писаніями и примѣромъ забросили въ нравы людей первыя сѣмена цивилизаціи: то мы, неизбежно должны видѣть первую причину сихъ благотворныхъ перемѣнъ въ христіанствѣ, и, заключаая отъ слѣдствій къ причинѣ, признать его безусловную истинность.

Христіанство съ самыхъ первыхъ дней своихъ побуждало своихъ послѣдователей совершать во имя религіи то, что въ послѣдствіи перешло, подъ именемъ цивилизаціи, въ законы, учрежденія, нравы и, нѣкоторымъ образомъ, въ самую природу, въ самую сущность новѣйшихъ обществъ. Находясь въ средѣ язычества и варварства, оно, вопреки современнымъ понятіямъ и нравамъ, явило на дѣлѣ столь совершенную общественную организацію, создало такія формы общественныхъ отношеній, что онѣ послужили образцомъ для тѣхъ реформъ, коими мы всего болѣе гордимся. Равенство предъ закономъ, терпимость и мягкость въ правахъ, требованіе строгой справедливости въ учрежденіяхъ, возрастающій перевѣсъ права надъ фактомъ, разума надъ внѣшнею грубою силою, всеобщее стремленіе къ гуманности, братству, всемірному сближенію и общенію, все эти черты, характеризующія наше время, были долгое время исключительно принадлежностію христіанъ, и потомъ уже мало по малу перешли въ законы, въ жизнь гражданскую и общественную. Даже теперь учрежденія церкви, дѣянія и подвиги, вдохновляемые духомъ ея, далеко оставляютъ назади всякую нашу цивилизацію, составляя какбы авангардъ ея. Цивилизація еще не достигла и, не смотря на все усилія свои, никогда не достигнетъ того, чтобы водворить на землѣ всеобщее царство любви евангельской во

всей ея силѣ. Если хотятъ знать мѣру этой любви и видѣть силу ея въ дѣйствіи, пусть взвѣсятъ и посчитаютъ всю мѣру бѣдствій и скорбей человѣческихъ. Гдѣ есть послѣдняя, тамъ найдете вы и первую. Нѣтъ ни единой нужды и потребности человѣческой, для которой бы христіанство не предлагало удовлетворенія, нѣтъ бѣдствій и скорби, коихъ бы оно не облегчало чрезъ своихъ вѣрныхъ послѣдователей, и притомъ съ такою полнотою, съ такимъ сердечнымъ участіемъ, съ такимъ самоотверженіемъ, какихъ никогда не можетъ быть у людей, благотворящихъ во имя только цивилизаціи. Дѣла благотворенія и человѣколюбія, предпринимаемыя самимъ обществомъ, кромѣ того что они внушаются нравами христіанскими, должны пройти еще чрезъ любящее сердце христіанское, чрезъ сострадательныя руки истыхъ учениковъ Евангелія, чтобы вполне достигнуть своей цѣли: иначе они не уврачуютъ того зла, не облегчатъ тѣхъ бѣдствій, какія имѣютъ въ предметъ. Но кромѣ бѣдствій и золь, кои общество можетъ облегчать такимъ образомъ, есть множество еще другихъ страданій и скорбей, кои находятся рѣшительно внѣ сферы ея благотворительности, кои преслѣдуетъ и врачуетъ одна религія, съ обычною ей неутомимою ревностію и изумительнымъ успѣхомъ. «О христіанствѣ можно сказать тоже, что библія говоритъ о Богѣ: «всякій день отверзаетъ оно щердую свою руку и питаетъ все живущее. Оно есть око слѣпымъ, нога хромымъ, слухъ глухимъ, пѣтуныюности, опора старости, заботливая охрана умалишенныхъ, сострадательный посѣтитель заключенныхъ, отецъ сиротъ, сердобольный прислужникъ больнымъ, питатель нищихъ, покровитель угнѣбленныхъ, миро-

сердый возстановитель всѣхъ падшихъ». Кромѣ сихъ бѣдствій, кои служатъ какбы неразлучными спутниками человѣческой природы, есть еще другія, кои зависятъ отъ времени, мѣста, отъ случайныхъ обстоятельствъ, и кои христіанство тотчасъ же умѣетъ облегчать и врачевать съ изумительною любовію. Такъ оно долгое время было страннопримцемъ путешествующихъ, попечителемъ прокаженныхъ, искупителемъ плѣнныхъ, освободителемъ рабовъ; а когда страшные бичи человечества — война, голодь, наводненіе или язва поражали народы, тогда ревность и самоотверженіе его усиливались, соразмѣряясь съ величиною опасности. Такія и подобныя сими дѣла христіанство совершаетъ всюду, всегда, безъ устали, безъ всякаго вида тщеславія, даже безъ усилій: это составляетъ его естественное, неотъемлемое качество; ниаго отъ него и не ожидаютъ; міръ такъ привыкъ къ подобнымъ дѣламъ, что не обращаетъ на нихъ особеннаго вниманія. И, однакожь, одно христіанство дѣлаетъ подобныя дѣла; никакая другая религія не могла внушать сего; общество, сама природа оказываются въ семъ случаѣ несостоятельными. Наконецъ, это такъ свойственно христіанству, до того составляетъ исключительную его принадлежность, что секты, отдѣлившіяся отъ единства церкви, хотя онѣ продолжаютъ именовать себя христіанскими и держатся писанныхъ правдивныхъ началъ его, тотчасъ же теряютъ способность совершать подобныя чудеса любви; въ нихъ изсякаетъ животворный источникъ любви, и напрасно стараются онѣ замѣнить его обильно расточаемыми внѣшними средствами благотворенія.

По истинѣ, христіанство носить въ себѣ сверх-

естественное, выпечеловѣческое начало любви, составляющее единственную, исключительную силу благотворительности. Сія-то сила, дѣйствуя косвенно въ окружности своей, возвышаетъ и очищаетъ идеи и нравы, преобразуетъ ихъ, облагораживаетъ и производитъ то, что мы называемъ цивилизацію. Такая сила можетъ быть только тамъ, гдѣ есть верховное благо въ самой его сущности, или, такъ сказать, въ личномъ его видѣ. Только оно можетъ производить такіа дѣйствія въ самой глубинѣ человѣческой природы, сохранять характеръ святости всегда ненарушимой, ревность къ самопожертвованію постоянно возрастающую; только оно можетъ возвысить эту природу эгоистическую и жестокосердечную, возводитъ ее отъ добра къ добру, заставить мыслить о немъ непрестанно, стремиться къ нему безпрерывно, болѣть о немъ въ сердцѣ ежечасно.

Сображеніе сіе оправдывается и подтверждается еще тѣмъ, что христіанство не останавливается, подобно естественной благотворительности, на какомъ нибудь частномъ благѣ, не ограничивается облегченіемъ такого-то бѣдствія, удовлетвореніемъ такихъ-то нуждъ и потребностей; оно обнимаетъ все и вдругъ. Нѣтъ немощи, которая бы ускользнула отъ его заботливаго вниманія; оно никогда не занимается удовлетвореніемъ физическихъ нуждъ, не преслѣдуя въ тоже время цѣлей нравственныхъ, духовныхъ. Касаясь тѣла, его божественная десница проникаетъ въ глубь души. Оно врачуетъ всего человѣка въ одно и тоже время. Оно облегчаетъ страданія; мало того, оно заставляеть любить ихъ, обращаетъ самое зло въ врачество душъ. Однимъ словомъ, на его благо-

творительныхъ дѣйствіяхъ видимо отражается печать божественности.

Что христіанство есть самоличное благо, это доказываетъ еще простота и ничтожество средствъ, помощію которыхъ оно производитъ величайшія дѣла. Взгляните на его дѣла; они неизмѣримы; они возникаютъ и растутъ съ изумительною быстротою: вчера ихъ не было, нынѣ они всюду. Откуда произошли они? Кто далъ имъ жизнь? Кто съумѣлъ такъ мудро предначертать и осуществить эту мощную организацию разныхъ наприм. обществъ и учреждений (миссіонерскихъ, благотворительныхъ и под.), которая иногда, какбы волшебною сѣткою, объемлетъ города, области, царства, цѣлый міръ? Гдѣ планы, гдѣ средства, орудія, пружины этихъ великихъ учреждений, безъ шума и треска совершающихъ великія дѣла? Ихъ не видно нигдѣ: какая нибудь благочестивая душа, въ благодатную минуту, вдохновляется ревностію любви, предпріемлетъ благое дѣло, влагаетъ въ него всю свою душу съ полною увѣренностію въ его успѣхъ,—и дѣло спѣетъ и зрѣетъ, принимая иногда поразительные размѣры. Вотъ исторія всѣхъ великихъ дѣяній и учреждений христіанства. Изучите ихъ, если можете, въ ихъ необъятномъ разнообразіи, въ ихъ глубокихъ источникахъ,—и вы откроете въ нихъ неизмѣнно этотъ промыслительный характеръ созиданія и образованія. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ человеческихъ промыселъ Божій закрытъ отъ насъ, или открывается только случайно и во времена великихъ кризисовъ; но въ дѣлахъ христіанства онъ постоянно на яву; здѣсь онъ непрестанно созидаетъ, непрестанно творитъ чудеса благотворительности изъ ничего и держитъ

ихъ на *ничто*. Вотъ почему мiръ не обращаетъ на нихъ такого вниманiя, какаго они заслуживали бы, онъ привыкъ судить о результатахъ только по видимымъ средствамъ. Онъ не видитъ чудесъ христанства, какъ не видитъ и чудесъ творенiя. За то онъ обращаетъ особенное вниманiе на тѣхъ, которые въ широковѣщательныхъ рѣчахъ разглагольствуютъ о благотворительности, предлагаютъ разные проекты реформъ въ этомъ дѣлѣ, но слова которыхъ никогда не сопровождаются дѣломъ. Онъ восхищается до восторга говорливою любовiю какаго нибудь мечтателя-снбарита, и не примѣчаетъ дѣйствительной любви благочестиваго христаннина, который *любитъ не словомъ, но дѣломъ и истинно*, который болѣе дѣлаетъ, чѣмъ иной пишетъ. Это отъ того, что мiръ любитъ добро только въ образѣ и въ представленiи; ибо въ такомъ случаѣ оно прiятно ласкаетъ его самолюбiе, ни къ чему не обязывая, тогда какъ христанство требуетъ самоотверженiя, самопожертвованiя, любить дѣло, а не пустое разглагольствiе о немъ. Такое отношенiе мiра къ благотворительнымъ дѣламъ христанства ясно показываетъ, что они исходятъ отъ нѣкаго высшаго начала; трудность ихъ устрашаетъ людей мiра, простота ихъ не нравится имъ; они и очень трудны и очень легки: очень трудны для людей мiра, очень легки для христаннина. А это служитъ явнѣйшимъ признакомъ ихъ божественности.

Между тѣмъ мiръ, безъ его вѣдома и вопреки его желанiю, неразрывно связанъ съ христанствомъ, онъ противодѣйствуетъ христанству и вмѣстѣ подчиняется его влiянiю: вотъ еще одинъ изъ безчисленнаго множества признаковъ, что въ хри-

стіанствѣ дѣйствуетъ самъ Богъ. Съ самаго начала міръ возсталъ противъ христіанства, потому что оно свято и требуетъ святости: ни одна религія не встрѣчала такой вражды, не выдерживала такой страшной борьбы. Но съ самаго начала также христіанство пустило глубокіе корни въ міръ, стало въ немъ твердою ногою, непрерывно ведетъ его по пути прогресса, и этому прогрессу не предвидится конца, потому что оно есть всеильная и всепобѣждающая истина. Поразителенъ этотъ характеръ христіанства, въ силу котораго оно, не смотря на непрестающее противодѣйствіе міра, ведетъ его къ большому и большому совершенству во всѣхъ отношеніяхъ. Сами невѣрующіе признаютъ этотъ фактъ; они находятъ его даже до того божественнымъ, что на основаніи его построили цѣлую пантеистическую теорію о прогрессѣ, т. е. о развитіи самаго божества, отождествляемаго ими съ человѣчествомъ, сознающаго и выражающаго себя въ человѣчествѣ. Легко было бы доказать несостоятельность этой теоріи на основаніи разума; но чтобы показать ея ничтожество, довольно указать на одинъ тотъ фактъ, что постоянную усовершенствованность мы замѣчаемъ только въ той части человѣческаго рода, которая состоитъ подъ вліяніемъ христіанства. Не-христіанское человѣчество коснѣетъ неподвижно въ застоѣ, или если оказываетъ нравственную дѣятельность, то только эфемерную. Непрерывный общественный прогрессъ имѣетъ мѣсто только среди христіанскихъ народовъ. Одно христіанство сумѣло обуздать и смягчить необузданно-дикую природу человѣка, сдѣлало ее, такъ сказать, ручною, какъ дѣлаютъ ручнымъ дикаго звѣря. Оно не лишило ее

свойственной ей энергіи, предоставило ей полную независимость и свободу, которая и заявляет о себѣ часто, даже въ наше просвѣщенное время, такими дикими порывами необузданнаго своево-лія, и одиночными и коллективными, кои, повиди-мому, угрожаютъ возвращеніемъ прежняго варвар-ства; но, не смотря на эти временныя аномаліи, часто даже посредствомъ этихъ взрывовъ дикаго произвола, оно не престаётъ водворять и утвер-ждать въ обществѣ цивилизацію.

Это общее и посредственное дѣйствіе христі-анства на человѣчество, вопреки всеѣмъ преградамъ и противодѣйствіямъ со стороны послѣдняго, до-казываетъ, быть можетъ, еще болѣе его божествен-ность, чѣмъ дѣйствіе частное и непосредственное, какое имѣетъ оно на души, покорныя ему. Ученіе ложное, или по крайней мѣрѣ такое, которое содержитъ въ себѣ истину только относительную, можетъ прикрывать или замаскировать свою ложь, или свою недостаточность прямыми послѣдствіями или результатами, какіе въ данное время и въ дан-номъ мѣстѣ извлекаютъ изъ него при помощи средствъ искусственныхъ и усиленныхъ; но обык-новенно бываетъ такъ, что послѣдствія не прямыя, которыхъ нельзя предвидѣть, выводы, которые дѣлаетъ изъ него сама жизнь, само время, печаль-ныя преграды и противодѣйствія, какія оно встрѣ-чаетъ, скоро обличаютъ его ложь и его несостоя-тельность. Опытъ жизни — самая лучшая проба и ученій и учрежденій человѣческихъ. Нѣтъ ни од-ного ни ученія, ни учрежденія человѣческаго, ко-торое вполне выдержало бы эту строгую, повѣр-ную пробу, потому что, собственно говоря, ни одно изъ нихъ не есть абсолютная истина. Одно хри-

стіанство вполнѣ выдерживаетъ такую пробу, и замѣчательное дѣло, истина его оправдывается и выясняется тѣмъ болѣе, чѣмъ шире становится эта проба, этотъ искусь, и по пространству и по времени. Съ перваго взгляда, на первыхъ порахъ, оно поражаетъ, низлагаетъ и какбы отталкиваетъ умъ человѣческій неизсѣлдиною глубиною своихъ ученій и суровою строгостію своихъ правилъ и предписаній. Но по мѣрѣ того какъ оно болѣе и болѣе входитъ въ жизнь, по мѣрѣ того какъ приложеніе его къ жизни человѣчества расширяется по пространству и продолжается во времени, а противопоставляемыя ему преграды ни сповсвергаются имъ, вы примѣчаете послѣдовательный рядъ общихъ, косвенныхъ вліяній и воздѣйствій его на общество, которыя болѣе и болѣе возбуждаютъ ваше удивленіе и признательность. Оно оказывается сообразнымъ и благопримѣнимымъ ко всѣмъ временамъ, ко всѣмъ мѣстамъ, ко всѣмъ разнообразнымъ состояніямъ человѣчества, въ безконечномъ разнообразіи его племенъ и народовъ. Оно всегда жизненно-дѣйствительно, всюду умѣстно или удобопріемлемо. Оно столь же удобно укореняется въ изыбженномъ сердцѣ образованнаго древіяго язычника, какъ и въ груди варвара, въ близорукомъ умѣ Кафра или Индійца, какъ и въ развитой головѣ новѣйшаго Европейца. Оно удобоприложимо и удобопріемлемо для всѣхъ возрастовъ, для всѣхъ умовъ, характеровъ, темпераментовъ съ ихъ безчисленными степенями и подраздѣленіями. Но, что особенно замѣчательно и заслуживаетъ удивленія, христіанство примѣняется ко всѣмъ возрастамъ человѣчества въ ихъ исторической преемственности,

составляет коренную причину успѣховъ каждой эпохи и налагаетъ вообще на всю исторію печать непрерывнаго преспѣянія въ области истины и добра, потому что оно есть неизсякаемый питательный родникъ всякой истины и всякаго добра. Чѣмъ болѣе оно приноситъ плодовъ, тѣмъ становится плодотворнѣе; чѣмъ болѣе живетъ, тѣмъ глубже и шире пускаетъ корни, тѣмъ болѣе проникаетъ во все отрасли народной жизни. Оно нисколько не боится новыхъ нуждъ, потребностей, запросовъ; оно само вызываетъ ихъ, или, лучше, созидаетъ и умножаетъ ихъ непрестанно съ тѣмъ, чтобы дать имъ удовлетвореніе. Въ прямую противоположность человѣческимъ дѣламъ и учрежденіямъ, вся жизнь которыхъ въ настоящемъ или въ тѣсныхъ рамкахъ прошедшаго, которымъ будущность грозитъ неминуемымъ разрушеніемъ и смертію, христіанство ни чуть не боится будущаго: будущее-то и есть по преимуществу поле его дѣятельности. Жизненная сила его неистощима: это почва, которая становится тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ болѣе сѣютъ на ней. Можно сказать, что христіанство еще большую силу и значеніе выявитъ въ будущемъ, чѣмъ уже оно заявило въ прошедшемъ. Какое, однакожь, прошедшее можетъ сравняться съ его прошедшимъ! Осьмнадцать съ половиною вѣковъ непрерывнаго торжества со времени появленія его въ мірѣ и пять тысячъ лѣтъ ожиданія его, приготовленія къ нему, т. е. все время протекшее отъ начала временъ! И все таки сила и значеніе его болѣе въ будущемъ, чѣмъ въ прошедшемъ; ибо человѣчество, подъ вліяніемъ самаго же христіанства, дѣлалось болѣе и болѣе способнымъ къ воспріятію его идей и требованій, болѣе и болѣе вводя ихъ въ жизнь, и та-

кимъ образомъ приближаясь къ полной возмужалости возраста христіанскаго, достигая въ мѣру возраста исполненія Христова, будетъ пріобрѣтать и осуществлять блага болѣе и болѣе совершенныя, безъ возможности, однакожь, когда либо достигнуть совершенства сего божественнаго образа.

Таково христіанство, разсматриваемое въ его результатахъ временныхъ, въ его воздѣйствіи на жизнь обществъ человѣческихъ. Ясно, что оно есть религія по преимуществу свойственная человѣчеству, слѣд. всего болѣе достойная Виновника человѣчества.—

Подведемъ итогъ всему, сказанному въ этой главѣ.

Доказательство божественности христіанской религіи, заимствуемое отъ плодовъ ея, я считаю наиболѣе убѣдительнымъ для всякаго искренно невѣрующаго; ибо оно опирается на непреложномъ фактѣ и на необходимыхъ выводахъ изъ этого факта.

Фактъ этотъ или, лучше, цѣлая совокупность фактовъ, состоитъ вотъ въ чемъ: Мракъ суевѣрія покрывалъ нѣкогда всю землю; всюду царили на ней идолопоклонство, многобожіе съ ихъ безсмысленными и позорно-унизительными обрядами и церемоніями; иначе сказать, заблужденіе самое грубое и порокъ самый постыдный были въ общемъ ходу, тяготѣли надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ, и отражались въ общественной жизни попраніемъ всѣхъ естественныхъ взаимныхъ отношеній между людьми, насиліемъ, рабствомъ необузданнымъ, произволомъ и погибельнымъ развратомъ. Это впервыхъ. Второй фактъ, засвидѣтельствованный исторіей, состоитъ въ томъ, что

міръ извлечень былъ изъ этого погибельнаго состоянія только благодаря христіанству. Съ того самаго времени, какъ оно явилось на землѣ и всюду гдѣ оно только возсіяло, мракъ суевѣрія языческаго и соединенныхъ съ нимъ пороковъ исчезъ вполне и безвозвратно, уступивъ мѣсто *поклоненію духомъ и истинною* единому трисвятому Богу, Творцу, Спасителю и Мздовоздаятелю. Перемена сія сопровождалась самыми благотворными послѣдствіями и въ жизни личной, умственной и нравственной, и въ жизни общественной. Умъ человѣка прояснился, какъбы съ очей его снята была повязка; нравственной законъ, написанный въ сердцахъ людей, очистился отъ наноснаго мусора: права и обязанности человѣка стали очевидны всякому. То, о чемъ едва осмѣливались гадать самыя высокія умы языческой древности, сдѣлалось, благодаря христіанству, истинною, доступною для всѣхъ умовъ безъ различія, утѣшительною для сердца, стало общенароднымъ достояніемъ, какбы духовною атмосферою человѣческой природы. Между тѣмъ всюду, куда христіанство еще не проникло, продолжается безъ всякой перемены тоже древнее состояніе суевѣрія и грубаго идолопоклонства. Густыя, неподвижныя тѣни его мрачными грядями лежатъ на окраинахъ христіанскаго горизонта и не могутъ ни сами по себѣ разсѣяться,—такъ онѣ присущи немощи человѣческой, ни омрачить ясную лазурь нашего христіанскаго неба,—такъ гонять ихъ отъ себя свѣтъ христіанства. Даже тѣ страны (въ Африкѣ и Азій), кои, подобно нашимъ, нѣкогда просвѣщены были свѣтомъ христіанскаго просвѣщенія и христіанскихъ нравовъ, лишь только перестали ему покаряться, лишь только вышли изъ-подъ

вліяння его просвѣтительныхъ, животворныхъ началъ, какъ тотчасъ же испали съ высоты прежняго своего величія въ прежнее состояніе нравственнаго мрака грубости и одичалости, и вотъ уже нѣсколько вѣковъ остаются въ этомъ состояніи. Наконецъ опытъ исторіи засвидѣтельствовалъ, что живая дѣятельность силъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ, нравственный подъемъ общества, успѣхи просвѣщенія и общежитія, и это неослабное стремленіе къ усовершенствованію по всемъ частямъ, которое, не смотря на злоупотребленіе онымъ, составляетъ, очевидно, законъ чело-вѣческой жизни, однимъ словомъ, все то, что разумѣютъ подъ именемъ цивилизаціи въ наилучшемъ смыслѣ сего слова, все это есть слѣдствіе притягательной силы евангелія, всюду цивилизація идетъ по слѣдамъ провозвѣстниковъ евангелія, умалится или возрастаетъ, ухудшается или улучшается, смотря потому, какъ относятся люди и общества къ христіанству. Однимъ словомъ, цивилизація, понимаемая въ истинномъ смыслѣ сего слова, есть лучеобразный отвѣтъ христіанства. Вотъ рядъ фактовъ самыхъ непреложныхъ и самыхъ знаменательныхъ.

А вотъ неизбежный выводъ изъ сихъ фактовъ: значить, есть въ христіанствѣ нѣкая сила, возвыщающая умъ, сердце, все силы чело-вѣческой природы на такую высоту, какой эта природа, сама по себѣ, достичь не можетъ и на которой она можетъ держаться и восходить отъ силы въ силу, только благодаря христіанству. Значить, это присутствие христіанству животворное начало, — которое всюду, гдѣ только приходитъ въ соприкосновеніе съ чело-вѣчествомъ (каково бы оно ни было, язы-

ческое или варварское, дикое или образованное, одряхлѣвшее или только еще начинающее жить) приносить съ собою ко всеѣмъ членамъ онаго безъ различія преспѣяніе ума, нравственности, гражданской жизни, обусловливаетъ такіе успѣхи частной и общественной жизни, какихъ человѣчество, предоставленное самому себѣ, не могло достигнуть, не смотря на все усилія въ теченіи пяти тысячъ лѣтъ, каковыхъ успѣховъ оно и доселѣ не имѣетъ въ странахъ, еще не просвѣщенныхъ христіанствомъ и также въ тѣхъ, которыя вышли изъ-подъ его благодѣтельнаго вліянія, — значитъ, говорю, начало это исходитъ не отъ самаго человѣка, а свыше, отъ самаго Виновника человѣческаго рода, бытіе котораго симъ самымъ ясно и непрерываемо подтверждается. Ибо хотя истина бытія Божія доказывается уже бытіемъ міра и человѣческаго рода, но доказывается не прямо, а путемъ наведенія и притомъ нѣсколько затмѣвается великою тайною нестроенія, безпорядка, замѣчаемаго въ мірѣ; между тѣмъ какъ животворящее и просвѣтительное начало христіанства показываетъ намъ, такъ сказать, наглядно самое дѣйствіе Божіе въ насъ и около насъ,—опытно, непосредственно удостоверяетъ насъ въ ономъ, даетъ знать, что Богъ не есть виновникъ зла и нестроенія въ мірѣ, такъ какъ Онъ уничтожаетъ зло, восстанавливаетъ нарушенный порядокъ,—открываетъ намъ въ Богѣ нравственныя свойства—истину, святость, любовь, которыя дѣлаютъ Его видимымъ для нашего ума, осязаемымъ для нашего сердца, осязаемымъ, нѣкоторымъ образомъ, для нашихъ чувствъ, и вполне оправдываютъ это прекрасное имя, коимъ Онъ самъ благоволилъ наименовать Себя: *Еммануилъ—съ нами Богъ.*

Краткій историческій очеркъ основанія Лебедянской Троекуровской женской общины, и нѣкоторыя черты изъ жизни основателя ея, блаженнаго затворника Иларіона.

Село Троекурово (*) лежитъ въ прекрасной долинь, окруженной горами; только съ восточной стороны, извилистая и быстрая рѣка *Красивый Мечъ*, будто лентою, опоясываетъ ее синевою прозрачныхъ водъ своихъ.

Подходя ближе къ селенію, отъ г. Лебедяни, по большой Елецкой дорогѣ, съ высокаго берега р. Меча, взоръ путника неожиданно поражается красотой св. Обители, живописно расположенной на другомъ берегу этой рѣки. Въ тиши высокихъ деревьевъ, виднѣются храмы Божіи и келліи инокинь-насельницъ, вокругъ ихъ каменная ограда, въ чертѣ которой, изящной архитектуры, часовня и св. ворота—довершаютъ восхитительную прелесть картины.

Не богатый и именитый человекъ былъ основателемъ этой обители, а простой труженикъ,—затворникъ *Иларіонъ*, (**), которому, послѣ многихъ лѣтъ духовныхъ его подвиговъ, перстъ Божій указалъ именно этотъ святой уголокъ мѣстомъ блаженнаго покоя и прославленія.

На 65 году своей богоугодной жизни водворился старецъ въ Троекуровъ, гдѣ болѣе 30 лѣтъ до самой кончины подвизался въ затворѣ.

Троекурово принадлежало тогда богобоязненному и

(*) Тамбовской губ. Лебедянскаго уѣзда. Въ настоящее время оно принадлежитъ графинѣ А. А. Бобринской.

(**) Въ монашествѣ Иларій. Во время странничества, о. Иларіонъ посѣщалъ многіе монастыри; и въ одномъ изъ нихъ, именно въ Коренномъ Курскомъ, принялъ тайный постригъ отъ тамошняго Архимандрита Филарета. Родомъ о. Иларіонъ былъ государственный крестьянинъ с. Зенкина, Рязанской губ. Раенбургскаго уѣзда; а по переселеніи въ Троекурово, по желанію и убѣдительной просьбѣ его покровителей, прииhsался въ Лебедянскіе мѣщане.

добродѣтельному русскому боярину И. И. Раевскому, который въ каждомъ человѣкѣ уважалъ душевныя достоинства и изыскивалъ всевозможные случаи сдѣлать добро ближнему. Имя о. Иларіона, какъ подвижника давно было знакомо ему по слухамъ. Какъ истинный почитатель благочестія, И. И. питалъ въ душѣ своей самое горячее усердіе пріютить, устроить и успокоить у себя такаго духовнаго старца; но находилъ какъ-то неловкимъ перебивать его изъ Колычева (Данковскаго уѣзда) отъ гг. Меньшиковыхъ, гдѣ о. Иларіонъ прежде имѣлъ уже келлію.

Какова же была его радость, когда онъ узналъ, что самъ старецъ выразилъ желаніе поселиться въ Троекуровѣ близъ каменной церкви св. Димитрія Солунскаго. Не замедлилъ добрый помѣщикъ исполнить общее желаніе: на указанномъ затворникомъ мѣстѣ, выстроилъ деревянную келлію, и съ честію перевелъ его къ себѣ 1824 года Ноября 3-го (*).

Замѣчательна высокая жизнь о. Иларіона. Отъ колыбели до могилы, и по блаженной кончинѣ его, преисполненная чудныхъ проявленій благодати,—она показываетъ въ немъ избранника Божія. О. Иларіонъ самъ рассказывалъ о себѣ келейнику (**), служившему при немъ 19 лѣтъ, что будучи ребенкомъ, онъ уже чуждался игръ дѣтскихъ и забавъ своего возраста; въ большемъ семействѣ, къ которому онъ принадлежалъ, не было у него ни сестеръ любимыхъ, ни братьевъ, ни товарищей сверстниковъ. Единственная на землѣ привязанность его была къ дѣду, отцу

(*) О. Иларіонъ, между прочимъ, рассказывалъ одному монаху, что не разъ прохода чрезъ Троекурово, онъ всегда останавливалъ свое вниманіе на новостроющейся еще тогда каменной церкви. Безмолвная тишина и уединеніе этого мѣста каждый разъ оставляли въ душѣ его глубоко-благоговѣйныя впечатлѣнія.—Не скоро строился храмъ; вѣроятно, отецъ Иларіонъ во все годы странничества, при всѣхъ перемѣнахъ жизни и самаго мѣсто-пробыванія подвиговъ своихъ, смотрѣлъ на этотъ уголокъ, какъ на обѣтованную землю.

(**) Сивридону Васильевичу Дынникову,

матери, который вложилъ въ дѣтскія уста его первыя слова молитвы. Съ нимъ, неопустительно, въ праздничные дни любилъ Иларіонъ ходить въ церковь—послушать Божьей службы. Любо было такое доброе направленіе малаго внука умному и набожному старику. Съ искреннею любовію началъ онъ пототь приучать Иларіона и къ подвигамъ, въ которыхъ юный ученикъ, осѣняемый благодатію свыше, скоро превзошелъ учителя.

Неутомимый въ домашнихъ молитвахъ, привыкшій къ строгому, не по лѣтамъ, воздержанію, Иларіонъ не отставалъ отъ дѣда и въ путешествіяхъ по святымъ мѣстамъ, для поклоненія мощамъ Угодниковъ Божіихъ. А въ Кіевѣ былъ онъ съ дѣдомъ неоднократно.

Родители Иларіона, не мирно смотрѣли на странное, по ихъ понятіямъ, поведеніе сына. Безучастный ко всему его окружающему, юноша, среди шумной семьи своей, казался отшельникомъ. Это приводило ихъ въ глубокую скорбь. Какъ люди мірскіе, зажиточные, очень естественно, они желали имѣть въ немъ опору старости своей и чтобы привязать сына къ жизни семейной, придумали, по человѣческимъ расчетамъ, вѣрное средство—женитьбу; и, не смотря на сопротивленіе,-- женили Иларіона.

Это обстоятельство не только не принесло имъ желаннаго успѣха, но ускорило часъ, въ который 19-лѣтній подвижникъ, отъ юности преданный Христу Спасителю, разорвалъ всѣ узы, доселѣ связывавшія его съ міромъ, и твердо сталъ на пути желанномъ и промысломъ Божиимъ ему указанномъ.

Въ самый день брака, онъ оставилъ жену и тайно удался изъ отцовскаго дома въ с. Головинцино къ любимому имъ священнику о. Трофиму Іосифовичу. У него прожилъ около 2 лѣтъ и выучился грамотѣ.

Съ этой поры, свободный отъ всѣхъ попеченій житей-

скихъ, Иларіонъ всецѣло преданный Господу, ничѣмъ не отвлекалъ себя отъ св. богомыслія, — и повелѣ строгую подвижническую жизнь, сначала въ такъ называемомъ *Воловомъ Оврагѣ*, въ пещерѣ, гдѣ онъ провелъ 6 лѣтъ. Управляющій имѣніемъ помѣщика Соловова, на землѣ котораго поселился-было о. Иларіонъ, москов. мѣщанинъ С. Ф.—овъ, на жестокости котораго часто жаловались крестьяне, выгналъ отсель труженика и учениковъ его, и пещеры завалилъ. Проживъ около года въ церковной караулкѣ села Головинщина, о. Иларіонъ, по предложенію князя М. А. Долгорукова, перешелъ въ село Карповку, гдѣ для него устроена была келья, за тѣмъ по смерти князя въ село Коликино; за тѣмъ опредѣлился въ Дмитровъ Скопинскій монастырь, откуда чрезъ полтора года перешелъ въ Раненбургскую Петропавловскую пустынь, откуда по навѣтамъ злыхъ людей былъ изгнанъ. Послѣ сего велъ странническую жизнь, посѣтилъ между прочимъ Коренной монастырь Курской губ., содержался не разъ въ заключеніяхъ при полиціи, и даже въ острогѣ, наконецъ поселился въ с. Кольчевѣ въ кельи при глубокомъ оврагѣ. —

Ни злоба и преслѣдованія оставленной имъ жены, ни злорѣчія и клеветы людскія, ни гоненія, ни беззащитность, ни тюремныя узы, никакія лишенія и скорби, встрѣчавшія его на пути безпріютной жизни, — *ничто не могло различить его отъ любви Божіа* (Римл. глав. 8. ст. 35).

Странникъ на землѣ, онъ не имѣлъ гдѣ приклонить головы; да онъ не искалъ многого. Нѣсколько лѣтъ онъ питался одною рѣдкою, не смывая съ нея земли — и то не ежедневно.

Холщевая длинная рубашка и такой же халатъ, во время странствованія, прикрывали тѣло его, во всѣ времена года.

Босыя ноги отъ трудности пути, отъ вѣтра и мороза, были изрѣзаны глубокими кровавыми рубцами.

Труженическому тѣлу своему, покрытому ранами отъ тяжелыхъ веригъ имъ носимыхъ, онъ не давалъ успокоенія. Порой случалось, сухія древесныя вѣтви служили ему постелью.

Это видимые только подвиги!

Но кому извѣстны его бѣдныя ночи, его колѣнопреклоненія, его горячія слезныя молитвы! Кто могъ слышать глубокія его воздыханія, возсылаемая Сердцевѣдцу Богу, и Ему Единому извѣстныя!

Много прошло лѣтъ, въ которыя о. Иларіонъ не разъ перемѣнялъ мѣсто подвиговъ, до водворенія въ Троекуровѣ, гдѣ окрѣпшая въ духовномъ отношеніи жизнь его, едѣлалась неисчерпаемымъ источникомъ добра и пользы для многихъ и особенно для окружающихъ его.

Съ переселеніемъ его въ Троекурово, къ нему, какъ опытному руководителю въ духовной жизни, начали при-
мыкать и поселяться въ келліяхъ дѣвственницы и вдовы, ищущія спасительнаго наставленія и духовнаго руководства.

Всѣмъ сердцемъ желалъ смиренный старецъ укрыться отъ извѣстности и избѣгать суетной мірской славы, въ мирномъ своемъ уединеніи; *но какъ укроется градъ верху юры стоя?*

Отвсюду стекался народъ къ благочестивому Затворнику. Знатные и простолюдины, бѣдные и богатые—всѣ имѣли въ немъ нужду. Кто желалъ получить отъ него благословеніе; кто услышать изъ устъ его благодатное слово утѣшенія; кто разрѣшить недоумѣнія. Старецъ говорилъ мало; отъ строгаго воздержанія у него всегда была сухость языка; но каждое слово его глубоко западало въ душу слушателя.

Даже архипастыри Тамбовскіе, проѣзжая по Епархіи, всегда посѣщали Троекуровскаго Затворника. Преосвященный Арсеній, нынѣ митрополитъ Кіевскій, посѣтивши

о. Иларіона, благословилъ пещеру, изготовленную самимъ старцемъ для своего погребенія и первый подалъ мысль — устроить въ Троекуровѣ женскую общину. Объявляя содѣйствіе съ своей стороны, Владыка просилъ и помѣщика Троекуроскаго И. И. Раевского поучаствовать въ такомъ богоугодномъ и святомъ дѣлѣ.

Почитатели духовной жизни о. Иларіона, наперерывъ спѣшили къ нему съ услугами и счастливыми себя считали, когда любимый всѣми Батюшка приметъ жертву отъ ихъ усердія.

Блаженный старецъ, безкорыстный до самоотверженія, принимая одною рукою, щедро разсыпалъ благодѣянія другою, на благолѣпіе храмовъ Божіихъ, (*) на дѣла милостыни, не забывая собравшихся около него старицъ — послушницъ, которымъ доставлялъ все необходимое въ жизни, и ясно предсказывалъ: *будетъ никогда здѣсь обитель женская, какъ лавра цветущая.*

Послушаніе старицъ, при о. Иларіонѣ жившихъ, состояло въ печеніи просфоръ (***) на Троекуровскую, и другія сосѣднія церкви, а главное, въ служеніи странникамъ и богомольцамъ, которымъ предлагались отъ Батюшки нескучная трапеза и мѣсто для отдохновенія.

Бывши самъ нѣсколько лѣтъ странникомъ и испытавши скорби этой жизни, Старецъ, до блаженной кончины горячо любилъ благочестивыхъ трудниковъ, Господа ради, и глубоко сочувствовалъ несчастію каждаго человѣка.

Но этотъ кругъ дѣйствій былъ, такъ сказать, слы-

(*) Въ с. Губино собрано о. Иларіономъ 3000 р. на колоколь и другія надобности. Въ Сезеновскомъ монастырѣ его усердіемъ устроенъ иконостасъ во имя св. В. М. Варвары на хорахъ въ Казанской церкви. Не говоримъ о Троекуровской Дмитріевской церкви, которая имѣла отъ него муку для просфоръ, вино, свѣчи и ладацъ.

(**) Проживая нѣкоторое время въ Петропавловской Раденбургской пустыни, о. И. самъ пекъ просфоры, чему и сбучилъ одну изъ своихъ послушницъ П. К. Грацину; подъ ея руководствомъ и другія сестры занимались этимъ послушаніемъ,

комъ тѣсенъ, для проявленія всей полноты любви къ Богу и ближнему, которая горѣла въ чистой и святой душѣ Затворника. Въ ней созрѣвала высокая богоугодная мысль, носѣнная великимъ архипастыремъ и которую о. Иларіонъ считалъ, какъ благословеніе свыше: это — мысль упрочить благосостояніе собравшихся уже послушницъ, устроивши женскую общину законнымъ порядкомъ, чтобы надлежащимъ духовнымъ руководствомъ дать средства и другимъ дѣвамъ и вдовицамъ, желающимъ оставить міръ, воспитать душу свою для Господа, въ святомъ уединеніи.

Судя по человѣчески неудобноисполнимая, безразсудная мысль! Кто былъ о. Иларіонъ? Незнатный, небогатый, слабый и немощный старецъ труженикъ. Съ какими же надеждами думалъ онъ положить начало такому громадному предпріятію? Но, *невозможная у человека возможна суть у Бога.*

Свѣтлая душа праведнаго старца, всецѣло проникнутая вѣрою, стояла на твердомъ и непоколебимомъ камени упованія на помощь Божию, во всякомъ добромъ дѣлѣ. Въ чистомъ сердцѣ его горѣлъ пламень любви Христовой. Обладателю такихъ сокровищъ духовныхъ все кажется легкимъ.

Притомъ, безукоризненно высокая жизнь его пріобрѣла ему преданность и уваженіе такихъ благотворителей которые не жалѣли тысячъ, чтобъ только исполнить малѣйшее желаніе старца, Троекуровскаго Затворника.

Кому же поручить первоначальныя хлопоты о такомъ не маловажномъ и серьезномъ дѣлѣ? И здѣсь самъ Промыслъ Божій былъ указателемъ. О. Иларіонъ имѣлъ особенное духовное расположеніе къ двумъ сестрамъ Голдобинымъ, дѣвицамъ, сосѣднимъ помѣщицамъ, благочестивая жизнь которыхъ была ему давно извѣстна. Обѣ сестры, въ свою очередь, съ дѣтскою простотою души, любили и уважали старца, какъ духовнаго наставника, свято вѣро-

вали въ его слово и дорожили благословеніемъ.

Старшую изъ нихъ А. Н. послалъ о. Иларіонъ въ Лебедянь, къ проѣзжавшему тогда по Епархіи преосв. Николаю, испросить архипастырское благословеніе и дозволеніе открыть въ Троекуровъ Женскую Общину.

Знавши всю недостаточность средствъ къ исполненію такого предпріятія, только по вѣрѣ въ старца, рѣшилась А. Н. представиться Владыкѣ, отъ котораго, сверхъ всякаго ожиданія, конечно, за молитвами о. Иларіона, получила удовлетворительный отвѣтъ, если только отыщутся необходимыя средства къ устройству обители.

Испросивши предварительно дозволеніе мѣстнаго епархіальнаго начальства, о. Иларіонъ началъ заботиться о пріобрѣтеніи земли, которая могла бы обезпечить существованіе новой общины, и даже указалъ своей послушницѣ А. Н. на одно сосѣднее помѣстье г. Клушиной, въ количествѣ 362 десятинъ—земли, чтобы приторговать его у владѣтельницы.

Всегда безпрекословно послушная велѣніямъ старца, на этотъ разъ А. Н. невольно смутилась духомъ.—Ей показалось до того невозможнымъ исполненіе подобнаго рода порученія, что она въ страхѣ, со слезами осмѣлилась сказать: „Батюшка! да гдѣ же деньги на покупку такого количества земли? Вѣдь надо мною смѣяться будутъ“. О. Иларіонъ съ кротостію ей замѣтилъ: „маловѣрная ты, Александра! пусть смѣются; а намъ Богъ пошлетъ и все устроить, только вѣруй!“

И подлинно, за молитвами Батюшки, все пошло успешно. Благодотворители и попечители его, не рублями, а тысячами присылали отъсюду пособіе на богоугодное дѣло. И не болѣе какъ въ полтора года земля эта была куплена, законнымъ порядкомъ укрѣплена и по духовному завѣщанію старца, передана въ безотчетное управленіе А. Н. Поддобиной, съ тѣмъ чтобы устроить женскую общину.

Приобрѣтенная о. Иларіономъ земля въ д. Мочилкахъ прилегалъ къ Троекурову. Блаж. старецъ, пользуясь самымъ искреннимъ расположеніемъ г. г. Раевскихъ, вполне былъ увѣренъ, что они, въ свое время, не откажутъ дать мѣсто близъ церкви св. Димитрія Солунскаго, (*) подъ устройство общины. (**)

Но вотъ приблизилось къ концу многотрудное земное поприще глубокаго старца—подвижника. Праведная душа его стремится къ отечеству небесному! По усердной его молитвѣ, ему открыто было блаженное соединеніе съ Господомъ, котораго измлада возлюбилъ онъ всѣмъ сердцемъ. Почувствовавъ приближеніе смертнаго часа, о. Иларіонъ пожелалъ принять послѣднее напутствіе отъ уважаемаго имъ священника с. Губина, о. Никандра Т. Андреева, которому еще за 15 лѣтъ предсказалъ, что онъ будетъ священствовать въ новой общинѣ, что и сбылось.

Строго воздержный во всю жизнь, въ послѣдніе дни о. Иларіонъ вовсе не принималъ пищи, кромѣ нѣсколькихъ глоточковъ воды изъ своего колодезя. (*) Тихо догоралъ въ немъ свѣтильникъ жизни—и тихо, тихо угасъ.

Никто изъ келейниковъ не видалъ кончины о. Иларіона. Самъ Господь принялъ вздохъ его.

1853 года ноября 5-го, въ самую глухую полночь, пе-

(*) При этой церкви и была первоначально открыта община, а впоследствии указомъ св. Синода 1864 году янв. 13, и совѣмъ причислена къ этой общинѣ.—Церковь Дмитріевская освящена въ 1811 году.

(**) Въ 1857 году Владиміромъ Аргемьевичемъ Раевскимъ, въ память блаженнаго старца, пожертвовано по законнымъ актамъ 3 дес. 40 саж. земли подъ усадьбу монастырскую.

(*) Когда о. Иларіонъ жилъ въ с. Головищинѣ, то чтобы избѣжать молвы людской, онъ удалился въ ближайшій лѣсокъ, и въ такъ называемомъ *Воловомъ Оврагѣ*, вырылъ себѣ пещеру, въ которой прожилъ нѣсколько лѣтъ въ уединенныхъ подвигахъ. За непмѣніемъ, по близости воды—онъ и колодезь ископалъ собственными руками. Этотъ колодезь существуетъ и донинѣ. Чистая, какъ слеза, вода его, съ вѣрою употребляемая, за молитвами о. Иларіона, и до сихъ поръ цѣлебна

реселился въ вѣчность почти столѣтій стерець, строгій подвижникъ, другъ и благодѣтель сиротъ, утѣшитель скорбящихъ, отецъ и руководитель ищущихъ спасенія, весь неизмѣнно преданный Христу Спасителю.

Въ мигъ разнеслась вѣсть о кончинѣ Затворника. Какими словами описать неутѣшную печаль и горячія слезы осиротѣвшихъ послушницъ, еще не устроенныхъ! Въ то время у нихъ была одна душа и одно сердце, проникнутыя общимъ чувствомъ глубокой скорби о потерѣ отца — наставника. Беззащитныя и безпріютныя, въ немъ одномъ онѣ имѣли опору и покровителя.

Въ утѣшеніе имъ оставались только воспоминанія: какъ бывало Батюшка, показывая на келейную свою икону Владимірской Божіей Матери, (*) поручалъ ихъ Царицѣ небесной; какъ успокоивалъ ихъ словами, что уми-

(*) При жизни о. Паронъ особенно чествовалъ Икону Владимірской Божіей Матери. Въ келіи его, предъ священнымъ ея ликомъ, горѣла неугасимая лампада Живой, онъ предсеялъ въ немолчной молитвѣ къ Владычицѣ, и по исходѣ души, заповѣдалъ келейному отслужить ей молебенъ. Того же изображенія икона, находится въ иконостасѣ Дмитріевской церкви, и съ незапамятныхъ временъ почитается чудотворною. Многие вѣрующіе получаютъ отъ Царицы небесной благодать исцѣленій. Во дни ея празднованія изъ дальнихъ сторонъ стекаются толпы богомольцевъ, для молебствія. По вступленіи въ управленіе общиною настоятел. Анфисы, проложено каждый воскресный день, послѣ Литургіи, величаніе предъ этой иконой, при чемъ поютъ: *Высшую небесъ* и читаютъ съ колѣнопреклоненіемъ умиленную молитву Царицѣ Богородицѣ, покровительницѣ Троекуровской общины. Умилительно-божественный ликъ Богоматери, съ объемлющимъ ее Богомладенцемъ, самаго древняго иконописнаго характера. Вышина иконы 1 арш. шир. $\frac{3}{4}$ арш. сребропозлащенная, осыпанная камнями, риза сдѣлана усердіемъ П. М. Раевской, матери П. П. Много есть устныхъ преданій здѣшнихъ старожиловъ о двухвѣковой древности этой иконы и о томъ, какимъ образомъ и откуда досталась она Троекуровскимъ помѣщикамъ. За вѣрное можно сказать только то, что она перенесена въ каменную Дмитріевскую церковь изъ деревянной, за ветхостью упраздненной, во имя того же святаго Церкви, находящейся на самомъ берегу р. Меча, и теперь каменный столбъ свидѣтельствуетъ, что нѣкогда тутъ былъ храмъ Божій.

рая, онъ только тѣломъ съ ними разлучится; а духомъ— пребудетъ вѣчно въ этомъ благословенномъ мѣстѣ, всегдашнимъ за всѣхъ молитвенникомъ, прибавляя къ этому у „не скорбите; вѣдь кто меня любитъ, и васъ будетъ любить“.

На пятый день совершено честное погребеніе блаженнаго труженика, при многочисленномъ стеченіи народа изъ сосѣднихъ уѣздовъ.

Умилительно было видѣть, какъ любовь къ старцу въ день его погребенія, чужихъ и не знакомыхъ между собою людей соединили въ одну родную семью: знатныя лица и духовенство, граждане и простолюдины, богатые и нищіе всѣ тѣснились около драгоценнаго гроба, желая воздать почившему послѣднее цѣлованіе; и всѣ какъ будто одною горячею слезою оплакивали въ немъ общаго Отца.

Простой деревянный гробъ, заключающій бранные остатки—поставили въ пещеру, надъ которою вначалѣ была устроена часовня, а по утвержденіи св. Синода общины, деревянная церковь, главный придѣлъ которой, во имя Владимірской Божіей Матери; на лѣвой сторонѣ во имя св. Иларіона Великаго; (*) на правой, это и выходитъ пещера, гдѣ погребенъ Затворникъ о. Иларіонъ, спустившись на 5 ступеней въ отдѣлѣ стоитъ гробница, покрытая металлическою доскою въ ростъ человѣка; на ней вылитъ портретъ старца, который живетъ и по смерти для тѣхъ, кто съ любовью чувствуетъ земнымъ поклономъ память земныхъ его подвиговъ, молится о упокоеніи со святыми блаженной души его и отъ него просить взаимныхъ молитвъ.

(Продолженіе будетъ.)

(*) День Ангела о. Иларіона; поселившись въ Троекуровѣ, въ этотъ день онъ имѣлъ обыкновеніе приобщаться св. Христовыхъ Тѣлъ.

Отъ Редакціи.

Тамбовскія Епарх. Вѣдомости будутъ продолжаться и въ 1871-мъ году. Редакція предлагаетъ обмѣнъ изданій всѣмъ другимъ Редакціямъ по примѣру прежнихъ годовъ. — Переводъ сочиненія Огюста Николя: *о Божественности Христіанской Религіи*, печатавшійся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Прибавленіяхъ къ Тамб. Еп. Вѣд., закончится въ декабрьскомъ выпускѣ. 3 том. сего сочиненія поступитъ въ продажу отдѣльными оттисками. — Въ 1871 году въ Прибавленіяхъ будутъ печататься между прочимъ *проповѣди покойнаго Преосвященнаго Николая*, бывшаго Епископа Тамбовскаго, кои со временемъ выдутъ отдѣльною книгою. Получивъ достаточный запасъ сихъ проповѣдей отъ В. И. Челнавскаго, Редакція покорнѣе проситъ всѣхъ, у кого найдутся сіи проповѣди, доставить оныя для напечатанія, приглашаетъ также доставить замѣтки и воспоминанія о жизни и дѣятельности покойнаго Преосвященнаго. — Такъ какъ въ силу новыхъ почтовыхъ правилъ, введенныхъ съ начала сего года, Редакція обязана въ январѣ наступающаго года внести въ почтовую контору сполна годовую плату за разсылку Вѣдомостей, и сверхъ того обязана внести въ Правленіе училища дѣвицъ духовнаго званія 1000 руб., то покорнѣе проситъ Оо. Благочинныхъ, настоятелей и настоятельницъ монастырей *поспѣшить* высылкою денегъ по 4 р. 50 к. за годовой экземпляръ.

Редакторъ: Ректоръ Семинаріи Михаилъ Зефировъ.

Съ дозволенія цензуры 17 Ноября 1870 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.